

ТИРО ТОМОЕ

СЫСКНОЕ ДЕЛО
ЛЕДИ ЧЕСТЕР

Тиро Томое

Сыскное дело леди Честер

<https://litres.ru/74347178>

Аннотация

Я – девушка, мечтающая открыть собственное сыскное дело, но пока я только стажёр. Он – глава королевского сыска, гроза преступников и мечта каждой юной леди Лондона. Мы столкнулись на месте преступления и сразу невзлюбили друг друга. Я считаю, что он сухарь и тиран. Он думает, что я ни на что не способна. У каждого из нас есть тайны. Нам придётся вместе работать над делом «О пропавших дамах», потому что я не отступлю! В книге вы найдёте: — антураж туманного Лондона — упорную героиню — умного, но очень вредного сыщика — тайны и загадки — раскрытие преступлений — всё не то, чем кажется — лёгкий налёт романтики — магию и приключения — техномагия в небольших количествах (дирижабли имеются) — ХЭ в обязательном порядке Обложка от OBLOGKA_LOVE и замечательного автора Юлии Ян ♥#Книга пишется в рамках литмоба леди_в_деле

Вторая часть тут:

Содержание

Глава 1	4
От автора	12
Глава 2	13
Глава 3	23
Глава 4	33
Глава 5	46
Визуалы героев	56
Глава 6	57
Глава 7	69
Глава 8	81
Глава 9	90
Глава 10	102
Глава 11	112
Глава 12	121
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Глава 1

Глава 1

Когда это случилось в первый раз, мало кто сомневался, что убийца муж. Почему? Старший инспектор Перкенсон имел неосторожность озвучить первую, пришедшую на ум, версию. Он был тогда не в духе и страдал несварением желудка, вот и высказался неосторожно при журналисте, крутившемся неподалёку.

Версия моментально утекла в народ.

Перцу и описаний добавили сами журналисты, раскопавшие семейные тайны и вывалившие их в подробностях на газетные страницы. Художники-оформители расстарались, в красках вырисовывая барона Сактара, державшего в объятиях развратную цветочницу мисс Пиклс. Свежие газеты разлетались, как горячие пирожки.

Общественность, начитавшись творения писак, заходила в экстатическом ужасе, смаковала подробности и выдвигала версии одна краше другой. Договорились до того, что несчастного изменника требовали линчевать, предварительно исключив из списка благородных родов Лондона.

И всё это при полном отсутствии улик, которые могли бы указать на барона. А главное – тело его пропавшей жены так и не было найдено.

На месте преступления обнаружили только брызги крас-

ной жидкости на кирпичной кладке (предположительно крови жертвы), пустой экипаж и чемодан самой леди Артур Сактар, в девичестве леди Кейт Уинслоу.

А потом преступление повторилось вновь. Теперь уже на другой улице, но всё ещё в нашем округе. Те же брызги предположительно крови, пустой экипаж и чемодан исчезнувшей бесследно леди Уильям Клайд, в девичестве Лиззи Гудроу.

Отныне старший инспектор был осторожен в суждениях и вслух не произносил ничего, однако больше и не надо было. Общественность уже сама всё знала. А журналисты только подливали масла в огонь.

Обоих мужей голословно обвинили в преступном сговоре и теперь нещадно тиранили, почём зря. Скандал разгорелся нешуточный. Лорд Уильям Клайд обозлился и написал жалобу в министерство внутренних дел, самому министру Роберту Пилю. Министр обещал принять меры.

А сегодня с утра всё повторилось опять.

Кажется, седьмой округ Лондона прокляли.

В туманном переулке Извозчиков, один из патрульных констеблей обнаружил брошенный экипаж, чемодан и брызги крови на стене.

Третья жертва, а полиция всё там же. Ни следов несмотря на то, что сотни констеблей прочёсывают каждый ярд города, ни улики – хотя вещи предыдущих жертв, включая экипажи, были неоднократно осмотрены самим старшим инспектором и всеми младшими. Ничего.

Старший инспектор Перкенсон, сейчас как никогда напоминающий старого спаниеля, снял котелок с головы, пригладил лысеющий затылок и, не глядя на меня, приказал:

— Осмотрите здесь всё, зарисуйте и опишите, мисс Честер. Я пока займусь свидетелем.

— Слушаюсь, сэр, — чётко ответила я, раскрывая блокнот и вытаскивая угольный грифель, — у нас есть свидетель?

— Есть, — грустно подтвердил старший инспектор, — некий Теренс Нил, старый пьянчужка. Как думаете, мисс, много он расскажет, когда проспится?

Старший инспектор вытянул толстый палец и указал на сидящего на брусчатке неопрятного человека с красным носом. Рядом мялся констебль Пакс, натянув на физиономию выражение высочайшей строгости. Нетрезвый Теренс Нил, прищулив один глаз и брезгливо оттопырив нижнюю губу, дул констеблю в бедро.

— О, боже правый! — воскликнула я, — это же самый худший вид свидетелей. Хуже подобных типов только безмолвные кошки!

— Вы правы, мисс, вы абсолютно правы, — старший инспектор уныло повесил усы, вздохнул тяжело, — но что поделать. Берём то, что есть. Работайте, стажёр.

— Слушаюсь, сэр, — вытянулась я по стойке смирно, провожая инспектора взглядом.

Сегодня я впервые отправилась на место преступления! Спустила целый месяц после того, как поступила в отдел. По

великой протекции поступила, между прочим! До сегодняшнего дня я занималась перекладыванием бумажек, подшивкой дел и наблюдением за работой профессионалов. Но я так рвалась к настоящей работе, что свершилось чудо. Вместо сержанта Шенса, старший инспектор взял меня, предварительно убедившись, что я прилично рисую.

Восторг захлёстывал, ещё бы – первое дело! Важно не набедокурить в процессе и оправдать возложенные на меня надежды, поэтому я выдохнула, закрыла глаза, а когда открыла – волнение уже исчезло. Довольная улыбка скользнула по губам. Выезд в город это хорошая причина опоздать домой. Обычно я заканчиваю до одиннадцати, но сегодня работа может затянуться допоздна, а значит ужин, который организует моя матушка, не состоится. Как и знакомство с потенциальным женихом. Очередным. Матушка всё надеется, что замужество отвернёт меня от идеи организовать частное сыскное агентство.

— Простите, матушка, но у меня долг! – хихикнула я, оглядывая место преступления.

Итак, переулок Извозчиков. Узкий, не более трёх-трёх с половиной ярдов в ширину. Переулок выходит на две большие улицы – Альбион Стрит, где раньше базировались свечных дел мастера, и Ромашковую улицу, где живут аптекари.

Карандаш легко летал по листу, отмечая начало и конец переулка. Следом я перешла к экипажу, стараясь зарисовать крисмобиль в точности. Как стоит, как распахнута дверь, как

...

Крисмобиль выглядел странно. Засунув карандаш и блокнот в сумку, я подошла к экипажу. Вгляделась, но так и не поняла, что с ним не так. Обошла со всех сторон, заглянула под колёса...и меня осенило. Крисмобиль молчал. Неслышно было ровного гудения кристаллов движения, не шелестели шестерни под капотом.

— Старший инспектор...— я повернулась к тому месту, куда ушёл Перкенсон, но возле свидетеля Нила его не было.

Старший инспектор стоял поодаль, разговаривая с журналистом, который был вооружён блокнотом и карандашом, точной копией моего. И, судя по красному лицу Перкенсона, разговор был не из лёгких.

Я помялась секунду, а потом решительно подняла крышку капота.

Матушка, в те редкие минуты, когда не играла в молчанку, говорила, что я сначала делаю, а только потом думаю. И из-за этого все мои неприятности и случаются. Но это не так. Неприятности случаются раньше, а уж потом я прихожу, чтобы их обнаружить.

Именно поэтому я задумала связать свою жизнь с сыском. Кто-то же должен находить неприятности и решительно их ликвидировать?

Сейчас я полезла в мобиль на свой страх и риск. С одной стороны я всего лишь стажёр, с другой – инспектор занят, а кто-то должен проводить осмотр. Поэтому я как следует за-

крепила крышку капота и сунула свой нос в нутро мобиля...

Под капотом не было кристаллов движения. Кто-то их выдрал с корнем. Понятно, почему крисмобиль молчал. Но зачем кому-то выдирать кристаллы? Лучше же воспользоваться экипажем и уехать с места преступления.

Закрыв крышку капота, я заглянула в кабину. Чистенько, аккуратненько. Приятно пахло лемонграсом. К нему примешивался незнакомый аромат: горьковатый такой, как увядающая ромашка. Ничего не найдя в кабине, я тщательно зарисовала всё, включая развороченное нутро крисмобилия и перешла к ярким брызгам на стене и брусчатке, оставив осмотр чемодана напоследок.

Я так увлеклась, что не заметила, как появился доктор Декстер, очнувшись только от его громкого приветствия:

— Мисс Честер! Доброе утро, стажёр! Малюете?

— Доктор Декстер, сэр! – я захлопнула блокнот и присела в лёгком реверансе, — рада вас видеть. Жаль, что при таких обстоятельствах.

— Для врача любые обстоятельства удачные, мисс Честер, — галантно приподняв шляпу, поклонился доктор.

Доктор Декстер – яркий блондин с невероятными зелёными глазами – был лечащим врачом доброй половины Лондона. Молодой, прекрасно образованный, обладающий приятными манерами, он был желанным гостем во всех домах. Особенно, если там имелась девица на выданье. Странно, что моя матушка ещё на него не польстилась. Возможно, она

так привыкла к его появлению в нашем доме, что просто не рассматривала его кандидатуру, как потенциального жениха для меня.

— Что привело вас сюда, доктор? Пострадавшего нет, как и в прошлые разы.

— Я должен подтвердить или опровергнуть, что это, — доктор указал на красные брызги, — кровь. Старшему инспектору необходимо моё экспертное мнение. Позвольте...

Я отошла на шаг назад, предоставляя доктору пространство для работы. Доктор подошёл к краю пятна, опустился на корточки и уставился на брызги. Посидел так несколько мгновений, стянул с руки перчатку, прикоснулся кончиком указательного пальца к брызгам. Поднёс палец к глазам, тщательно осмотрел, зачем-то понюхал и вынес вердикт.

— Определённо кровь, — провозгласил он, выпрямляясь.

Под внимательным взглядом доктора, я тщательно зарисовывала весь процесс его работы, добавила заключение и перелистнула страницу блокнота. Пора было переходить к чemoдану.

— Разрешите посмотреть ваши рисунки, мисс Честер, — мягко улыбнулся доктор, останавливая меня, — хочу сравнить насколько сержант Шенс проигрывает вам. Признаться, его зарисовки мало отражают действительность. Так, чистые схемы.

— Конечно, доктор. Вы можете посмотреть, но прошу вас, не сравнивайте. Сержант Шенс вполне успешно справляется

со своей работой. Имела честь видеть его рисунки. Весьма недурственно.

Я протянула блокнот. Доктор всмотрелся в рисунки, перелистнул все страницы. Я напряжённо следила за выражением его лица. Боялась услышать что-нибудь нелестное о своей работе. Но доктор благожелательно кивнул и я облегчённо выдохнула.

— Прекрасные работы, мисс Честер. Только обратите внимание, — доктор развернул блокнот ко мне, — вы совершенно натурально изобразили эти брызги, но, так же как и Шенс, не заметили одной маленькой детали. Посмотрите сюда, мисс, видите?

Доктор указывал пальцем на сколотый кирпич. Я всмотрелась...и каково же было моё удивление, когда там заметила небольшой рисунок — два распахнутых крыла.

— Что это?

— Не знаю, мисс Честер, но такие значки были на каждом месте преступления, как раз рядом с брызгами. Не кажется ли вам, что это не совпадение?

— Но почему это нигде не отмечено? Я ведь сама лично подшивала материалы дела и нигде ни слова о крыльях! — я удивлённо разглядывала рисунок на сколоте кирпича.

— Потому что...— начал доктор, но был прерван громopodobным возгласом.

— Почему посторонние на месте преступления?!

От автора

Дорогие друзья!

Рада приветствовать вас в своей новинке!

Присоединяйтесь, вас ждёт интересный путь по хлебным крошкам – маленьким намёкам, говорящим нам, кто преступник. Кстати, первую крошку-намек я уже обронила...

Добавляйте книгу в библиотеку, зажигайте звёзды и следите за приключениями героев!

Читайте, отдыхайте и отвлекайтесь от дел насущных!

Ваша, Тиро Томое ♥️#

Глава 2

Глава 2

Высокий брюнет размашисто шёл к нам и выражение его холёного, породистого лица не сулило ничего хорошего.

— Я повторяю, почему посторонние на месте преступления? – отчеканил он, останавливаясь прямо передо мной.

От звука его голоса я похолодела. Жёсткий голос человека, привыкшего повелевать, не слыша «нет» в ответ. От самого неизвестного господина веяло холодом и властью.

— Сэр, — пискнула я, но тут же исправилась и повторила, — сэр, кто вы такой?

— Кто я? – убийственно спокойным голосом поинтересовался брюнет, — я глава сыскной полиции из Скотланд-Ярда. Граф Кристиан Бекендорф, приказом министра Роберта Пиля направлен в седьмой округ для расследования дела о пропавших дамах. Так ясно?

Жалоба лорда Уильяма Клайда получила ход. Министр прислал к нам нового начальника. Бедный старший инспектор, ему предстоит работать под началом весьма грубого господина!

Сузив глаза, сыщик внимательно рассматривал меня.

— Леди Алисия Честер, стажёр, — смело ответила я.

— Хм, — хмыкнул Бекендорф, — не слышал, чтобы у нас изменили требования к новобранцам.

Я хлопала ресницами и не понимала, чего сыщик от меня хочет. Причём тут требования к новобранцам? А граф между тем продолжал сверлить меня неприязненным взглядом, полностью игнорируя присутствие доктора.

— Старший инспектор! – гаркнул граф Бекендорф.

— Я здесь, сэр! – из-за спины сыщика выглянул потный от волнения Перкенсон.

— Напомните мне требования к новобранцам!

— Слушаюсь, сэр, — запыхтел старший инспектор, снимая котелок и вытирая красную лысину батистовым платком, — рост не меньше пяти футов и семи дюймов. Грамотность обязательна, репутация безупречная.

И тут меня осенило. «Посторонней» граф посчитал меня! Это потому, что я женщина?!

— Как вы считаете, старший инспектор, подходит ли мисс Честер под данные критерии? – в жёстком голосе графа чувствовалась уловка и, кажется, я понимала какая.

— Я сама могу ответить, — вскинула я голову, — сэр, всё перечисленное у меня есть. Рост подходящий. Как видите, я всего на голову ниже вас. Грамотность? Я говорю на двух языках, прекрасно музицирую, пишу и легко считаю в уме. Кроме того, у меня художественный талант столь необходимый в сыском деле. И прекрасная память.

Я надеялась заговорить сыщика, отвлечь от главного параметра, по которому я не проходила. Почти. Но граф Бекендорф сдаваться не собирался.

— Последний пункт требований, о котором старший инспектор тактично умолчал, гласит: крайне желательна физическая сила у новобранца, — процедил сыщик, окидывая мою хрупкую фигуру оценивающим взглядом.

Позади графа растерянно крикнул старший инспектор.

— Однако некоторым достаточно иметь влиятельных покровителей, чья протекция способствует появлению в рядах полиции личностей, не отвечающих утверждённым требованиям, — ледяным тоном добавил сыщик.

— Вы хотите сказать, что это из-за меня дело о пропавших дамах до сих пор не раскрыто?! — опешила я.

— Вероятность тому немалая...

— Позвольте высказаться, — вмешался доктор Декстер, — сыщику, коим и планирует стать леди Честер, наличие физической силы необязательно. Острый ум и умение подмечать детали, которые упускают так называемые специалисты, гораздо важнее. Могу заметить, что леди Честер уже показала себя с наилучшей стороны, отметив деталь, которую предыдущие разы упускали из виду.

— Доктор... — не отрывая от меня пронзительного взгляда, произнёс граф.

— Милорд, — приподнял шляпу доктор Декстер, — обратите внимание на этот крайне малозаметный скол в кирпичной кладке. Леди Честер указал мне на этот рисунок, а я тотчас же припомнил, что видел подобные изображения ранее, на прошлых местах преступлений. И никто, заметьте никто!

не обращал на это внимание, пока столь способная леди не появилась на месте преступления. А вы говорите «протекция»! нет, милорд, это ценные кадры, которые беречь надо!

— Хм, позвольте, — граф Бекендорф тут же позабыл про меня и устремился к кирпичной стене, чтобы в точности повторить действия доктора, которые он выполнял несколько минут назад.

Я благодарно улыбнулась доктору Декстеру, стоящему с совершенно невинным видом.

— Доктор, но ведь это... — начала я шёпотом.

— Оставьте, мисс Честер. Я верю, что вы добьётесь больших успехов в сыском деле, поэтом считаю, что просто оказываю вам услугу, — таким же заговорщицким шёпотом ответил доктор, — к тому же, не люблю снобов. Мне было приятно доставить ему небольшое неудобство.

— Оу, доктор Декстер, — я тихонько рассмеялась, — вы интриган.

— Немного, мисс Честер, — доктор послал мне очередную улыбку и обратился к старшему инспектору, — мистер Перкенсон, я определил, что данное пятно, как и в прошлые разы, предположительно является кровью. Заключение пришло позже в участок. Могу ли я чем-нибудь ещё послужить Короне?

— Можете, — вместо Перкенсона ответил Бекендорф, выпрямляясь и обтирая палец платком, — как вы считаете, какая рана была нанесена жертве, что кровь брызнула именно

таким образом?

Доктор задумался, рассеянно глядя на брызги. Пятно крови было небольшим, базировалось в основном под стеной, на покрытой мхом брусчатке, но брызги... брызги были гораздо больше по площади. Они покрывали стену на половину ярда, рассыпались по брусчатке ещё на треть ярда. Словно кто-то размахивал толстой кистью, обмакнутой в краску.

— Честно говоря, не представляю. Ни один из известных мне типов ран не даёт такого результата. Крови должно быть или гораздо больше, или совсем немного. А это... словно кто-то стряхнул малярную кисть. Кроме того, я даже не вполне уверен, что это человеческая кровь. Возможно, напавшей использовал кровь животных, со скотобойни. Больше я ничего не могу сказать. Тут вам поможет только владелец дара коккури. Но как мы знаем, коккури запрещены короной. Так, что... — доктор развёл руками.

Чем дольше говорил доктор, тем сильнее я холодела. Стояла, опустив взгляд, и старалась не дрожать, страшно боясь, что доктор ткнёт в меня пальцем и скажет «ах, простите, вот же один из запретных». Нет, не ткнёт. Откуда он может знать, что я могу призвать демона-лиса? Никто не знает, даже матушка с отцом. Никто. Я ведь себя ничем не выдавала...

— Коккури, коккури, — рассеянно произнёс Бекендорф, убирая платок в карман, — кому, как не вам, доктор, знать, что призыв демона-лиса опасен даже для самого вызывате-

ля, что уж говорить об окружающих. Корона не просто так наложила запрет на коккури. Виной тому череда несчастных случаев, повлёкших за собой необратимые изменение личности вызывателя. Демон-лис не помощник нам.

Да что они привязались к коккури? Нормальный дух, ничем не хуже фамильяров у некоторых высших магов или заговорённых куколок-помощниц у каждой второй женщины Лондона и предместий. Мой коккури это всего-навсего маленький лисёнок с умными глазками и великолепным пышным хвостом. Ест одну чашку острой лапши при каждом призыве, даёт чёткие ответы на вопросы и ни разу не попытался меня околдовать!

— Вы можете идти, доктор Декстер, — смилоствовался Бекендорф, — Корона благодарит вас за помощь.

— Рад послужить на благо отечества. Всего хорошего, милорд, — приподнял шляпу доктор, — мисс Честер, старший инспектор.

Бекендорф коротким кивком ответил доктору, окинул взглядом место преступления, задержавшись на красном от злости констебле и свидетеле Ниле, который уже нашёл себе новое развлечение. Он тыкал пальцем в носок ботинка констебля Пакса, хихикая каждый раз. Пакс сердито надувал щёки, но присутствие высшего начальства сковывало ему руки.

Я с замиранием сердца ждала, вернётся ли Бекендорф к теме коккури, но кажется, опасность миновала. Однако,

странно он отнёсся к самому факту использования демона-лиса в расследовании. Как будто сам неоднократно размышлял, что можно использовать коккури, обладающих безупречным нюхом, в поиске преступников.

— Леди Честер, — вдруг вспомнил обо мне Бекендорф, — покажите, что вы там нарисовали.

— Пожалуйста, сэр, — я протянула ему блокнот, — сэр, вы не хотите извиниться?

— Перед кем? — ответил он, перелистывая страницы.

— Передо мной. За грубость.

— Не вижу причин. Важнейшая улика дважды упущена из виду. К тому же, вы действительно не проходите по критериям утверждённого стандарта.

— Но сэр! — мой голос зазвенел от негодования и несправедливого обвинения, и не важно, что рисунок обнаружил доктор, — я не была на прошлых местах преступлений! Это мой первый выезд! Доктор вам на это указал, но вы предпочли упустить из виду этот занятный факт!

Бекендорф оторвался от разглядывания рисунков. Взгляд его свинцово-серых глаз скользнул по мне, задержавшись буквально на мгновение, а потом переместился на старшего инспектора.

— Старший инспектор Перкенсон, — ударил ледяной голос.

— Сэр, — придушенно отозвался старший инспектор.

— Потрудитесь объяснить.

— Сэр, мы не видели, сэр, — мялся Перкенсон, — трижды всё осматривали...но такой маленький скол, рисунок... сэр

— Кто проводил осмотр мест преступления в прошлые разы?

— Я, сэр. Я и четверо младших инспекторов, — выпалил Перкенсон не моргнув глазом.

Я предпочла тихонько ретироваться к крисмобилю, потому что Бекендорф на глазах свирепел. Я знала, что Перкенсон не совсем правдив в плане ответа. Не было четырёх младших инспекторов на осмотре. Только один сержант Шенс, четыре констебля и сам старший инспектор. И, кажется, Бекендорф тоже это знал.

— Почему вы не произвели полноценный осмотр крисмобиля в прошлые разы? — Бекендорф метал молнии.

— Произвели...— застонал Перкенсон, вновь становясь похожим на спаниеля.

— Боже правый! Невероятная халатность! — отчего-то не поверил Бекендорф, — Где экипажи находятся сейчас?

— В гаражах, сэр.

— Вы выяснили имя новой жертвы?

— Ещё не успели, сэр.

— За три часа не успели? — Бекендорф просто полыхал от ярости и ответы Перкенсона только усиливали гнев сыщика, — Вы опросили свидетеля?

— Никак нет, сэр. Он не в состоянии вести связную речь.

Констебль Пакс охраняет его, чтобы не сбежал.

— Вы проработали хоть одну версию? Куда ехали пропавшие дамы? Почему чемоданы в экипажах? Вы опросили супругов пропавших дам или слуг?

— Сэр, мы...мы пустили все силы на поиск тел, сэр! Баграми прочёсывали Темзу. Констебли насквозь простыли, ныряя в каналы. Мы искали, сэр!

— Выговор! – проревел Бекендорф, размахивая моим блокнотом, — зато, старший инспектор Перкенсон, вы находите время, чтобы пообщаться с Визлом, пронырливым писакой, который кропает грязные статейки, но хотя бы пытается придумать версии случившегося!

Я, понимая, что скандал может зацепить и меня, обошла крисмобиль кругом и открыла заднюю дверь. Займусь лучше своими непосредственными обязанностями – осмотрю место преступления. Чемодан так и стоит не раскрытый, а если мистер сыщик вдруг опомниться, то надо быть вооружённой новой информацией.

Защёлки чемодана открылись очень легко. Даже подозрительно. Чемоданы такого типа – тяжёлые, из дорогой кожи – всегда закрываются на маленький ключик. Я просто проверила защёлки на удачу и они моментально сработали. Странно.

Откинута крышка открыла стопки аккуратно сложенных вещей. Я осмотрела крышку на наличие деталей и, к своему ужасу, нашла. Ещё не веря глазам, провела пальцем по вен-

зелям, вышитым на подкладке чемодана, который явно выполнили на заказ.

— Сэр! – позвала я дрожащим голосом, — сэр, я знаю имя новой жертвы!

Глава 3

Глава 3

Я познакомилась с ней в Королевском колледже для девушек из благородных семейств. Нам было по двенадцать лет. Озорная Агата, покрытая ровным золотистым загаром, отчего-то сразу выделила меня из толпы бледных чопорных девочек-аристократок, старающихся держать лицо, но в душе трясущихся от страха. Агата встала рядом, положила тонкую ладонь на моё плечо и обозвала трясущейся бледнолицей скво, которая не понимает своего счастья. На мой недоумённый взгляд она моментально пояснила, откидывая выгоревшие до соломенного цвета пряди от лица, мол, свобода от дома позволит нам научиться выживать в дикой саванне, умирять мустангов и покорять мужские сердца.

Как могут быть связаны саванны Африки, мустанги Америки и мужские сердца я тогда не поняла. Как и половину её привычного лексикона. Но вскоре Агата, ставшая моей подругой на ближайшие три года, стала мне понятной. Дочь военного, она всё детство провела вдали от чопорного и сырого Лондона. Выросшая в свободе, Агата не признавала устоявшихся правил, постоянного их нарушала и отчаянно спорила с шаперонами – нашими наставницами. На уроках вставляла ремарки в их лекции, поправляла их ошибки, а будучи вызванной к доске давала развёрнутые ответы, которых не было

в книгах. Агата не признавала зубрёжки, которую требовали в колледже, и плевалась на поверхностные знания, которые давали нам учителя. Всё это очень злило наставниц, но поделаться они ничего не могли. Агату защищало имя и статус её отца.

Безумное жизнелюбие, неуёмная фантазия, неукротимая энергия Агаты расцветили тусклую жизнь колледжа.

Вместе мы провели немало весёлых моментов, за которые потом были наказаны, но это того стоило. Однажды, мы забрались в конюшню, а потом скакали по парку на неосёдланных пони, которые тогда становились для нас дикими мустангами. Гувернантки, после тщетной попытки усмирить безобразия, побежали к директрисе, но к её приходу две отважные скво уже лежали в постелях, а «мустанги» паслись на любимой лужайке миссис Хаддисон, ошалело пощипывая травку и любимые алые гортензии наставницы.

В другой раз, после долгого противостояния с группой бледнолицых скво, Агата устроила акт примирения. Мы вдвоём и трое девочек, тех самых бледнолицых скво, покрасили лица красками, волосы украсили фазаньими перьями, которые выдрали из шляпки миссис Криспи, и развели костёр за старым амбаром. Мы проводили важный ритуал, чтобы принести конец нашему противостоянию. Чтобы закончить вражду, надо было зарыть топор войны. Топором послужил огромный тесак, который мы умыкнули с кухни, а трубкой мира – старинная керамическая трубка из музейной

комнаты.

Топор зарыть мы так и не успели, потому что на огромный столб дыма от костра сбежались все работники колледжа, следом явилась и директриса. Во время отбытия наказания мы всё-таки подружились с теми девочками. Сложно не сблизиться, когда часами натираешь пол в танцевальной зале.

За три года нами было совершено ещё великое множество безумств, но потом веселье закончилась. Отца Агаты отправляли в новое место и он, безумно заботливый родитель, увёз дочь в новую страну. Мы плакали, прощаясь с ней, а Агата, как всегда, крепилась. Она уехала, но оставила во мне отпечаток своего непокорного духа, который позволил мне двигаться дальше и стремиться к большему, чем принято в нашем обществе.

И вот теперь, спустя столько лет, я видела её инициалы на чемодане новой жертвы.

— Мисс Честер? — рядом оказался Бекендорф, — вы уверены?

— Абсолютно, — всхлипнула я, сжала губы, чтобы не показать свою слабость, и твёрдым голосом ответила, — это фирменные вензеля моей бывшей сокурсницы по Королевскому колледжу, мисс Агаты Говард. Я помню их с детства. Ошибки быть не может.

— Крепитесь, мисс Честер, — буднично произнёс Бекендорф, протягивая мой блокнот.

Бекендорф отстранил меня, нырнул в кабину мобиля, осмотрел всё, аккуратно прикрыл крышку чемодана и вытащил его на свет божий. Держа на вытянутых руках, перенёс к капоту и снова раскрыл.

— Мисс Честер, вам лучше уйти домой, — кончиком длинной палочки Бекендорф переворачивал вещи Агаты, — потрясение слишком велико для вас. Вы бледны. Выпейте успокаивающих капель...

Уйти?! Сейчас, когда моя подруга детства, бесстрашная Агата в беде и ждёт моей выручки?! Да как такое можно представить себе? Я не брошу её! Буду землю зубами грызть, но найду Агату. Живой ...или мёртвой.

— Сэр! – мой звонкий голос заполнил переулок, — выпейте свои капельки сами, а я останусь тут! Я не успокоюсь, пока не найду Агату!

— Юная леди, — Бекендорф оставил чемодан в покое и медленно повернулся ко мне, — что вы можете противопоставить преступнику, который с лёгкостью похищает девушек? Вы хоть представляете, что он может с ними делать? А с вами? Вы, начитавшаяся запрещённых французских романов, думаете, что преступник впадёт в раскаяние от вашего милого личика и уважительного: «подлец, оставьте своё дурное ремесло»? Реальный мир, леди Честер, отличается от легкомысленного вымысла французских романистов. Здесь преступники не обращают внимания на пол жертвы, её происхождение или красоту лица. Они просто берут то, что хо-

тят. Деньги, украшения, невинность или жизнь.

Холёное лицо Кристиана Бекендорфа перекашивала злая судорога. В свинцово-серых глазах метался огонь, которым он хотел меня изгнать, как изгоняет призрака иной экзорцист.

— Вернитесь домой и займитесь тем, что подобает даме вашего происхождения, — снисходительно бросил Бекендорф, возвращаясь к изучению содержимого чемодана, — вышивайте, посещайте балы и званые ужины. Живите, как положено послушной дочери знатного семейства, мисс Честер.

От негодования перехватило дух. Да как он смеет? Что он себе позволяет, этот сухарь? Господи, как он мне сейчас напоминал мою матушку. Тот же презрительно-высокомерный тон, те же ограниченные суждения о долге женщины и её месте в мире. Они бы явно сумели поладить, если бы познакомились!

— Не смейте мне указывать, что делать с моей жизнью! Сэр! Я требую извинений, сэр! — прищулив глаза, я наступала на Бекендорфа.

— Извинений не будет, — сухо бросил он, даже не взглянув на меня.

— Вы пафосный болван! Напыщенный хам! — завелась я, — вы оскорбляете меня, основываясь на своих предвзятых суждениях! Вы понятия не имеете, на что способны женщины!

Бекендорф так резко обернулся, что я моментально растеряла всю решимость, но виду не подала. Выпрямилась, гордо подняла подбородок и устояла на сыщика. Ни за что взгляда не отведу.

— Отчего же, мисс Честер, — отвратительно спокойным голосом произнёс Бекендорф, разглядывая меня, словно я экспонат на выставке редкостей, — очень даже представляю на что способны женщины. Хотите занимательный факт, мисс Честер? С тех пор, как в Англии упростили и удешевили процедуру бракоразводного процесса, в стране резко снизилось количество преступлений, связанных с отравлением мышьяком.

— Насколько мне известно, сэр, — парировала я, — отравляли не только наскучивших мужей, но и опостылевших жён. Часто подобные преступления совершались из чувства наживы. Овдовев, мужчина получал возможность взять новую женщину в супруги, а вместе с тем и её приданое, которое присоединялось к наследству от внезапно почившей супруги. И никто, повторяю никто! не желал в этом видеть преступный умысел. Я знаю статистику, мистер королевский сыщик, и она гласит, что женщины гибли от отравления мышьяком, а так же другими ядами, гораздо чаще, нежели мужчины!

В глазах Бекендорфа мелькнуло что-то вроде заинтересованности, но сдаваться он и не думал.

— Старший инспектор!

— Я, сэр! — тут же нарисовался Перкенсон, до этого предпочитавший стоять в сторонке и делать вид, что занят рассматриванием места преступления.

— Отвезите леди Честер домой.

— Я никуда не поеду! — возмутилась я.

— Поедете, мисс Честер, иначе я сегодня же найду способ отстранить вас от прохождения стажировки в участке, — ледяным тоном произнёс Бекендорф, отворачиваясь от меня, — и даже ваши покровители не смогут изменить моего решения.

Угроза была более чем действенная. Но я всё равно предприняла ещё одну попытку остаться.

— Я не закончила зарисовывать улики.

— Мистер Перкенсон, как доставите мисс Честер до дома, следуйте в участок, — игнорируя меня, продолжил командовать Бекендорф, — распорядитесь отправить сюда ещё пятерых констеблей и сержанта Шенса. Выполняйте!

— Слушаюсь, — вытянулся по стойке смирно Перкенсон, — а я? Что делать мне?

— Начинать работать, господин старший инспектор! — озверел Бекендорф, мгновенно растеряв всю свою выдержку.

— Сэр! Есть, сэр! — попятился «спаниель» старший инспектор.

Взгляд Бекендорфа метал молнии, я, чтобы не выкапывать себе глубокую яму, предпочла подчиниться. Тем более

что дальше тратить драгоценное время на препирательства с сыщиком не имело смысла. Пора было действовать. Каждая минута на счету.

— Сэр, позвольте мне зарисовать последнюю улику и, обещаю, что после этого я отбуду домой, — изо всех сил изображая смирение, произнесла я.

Давалось мне это нелегко. Хотелось от души двинуть по наглой физиономии мерзавца, так чтобы ладонь отпечата-лась. Или треснуть его кулаком, как учил меня отец на наших редких занятиях боксом. А ещё лучше надеть на голову Бекендорфу чемодан с вещами Агаты!

После секундного размышления, Бекендорф ответил. Голос его был вновь полон спокойствия, а поза сыщика — полна достоинства.

— Разрешаю, стажёр, — милостиво дозволил он и вернулся к осмотру чемодана.

Хм, «стажёр»! господин напыщенный болван, признал моё право на работу в полиции?! Быть не может! Такие как, граф Кристиан Бекендорф, не сдают свои позиции столь легко.

Проходя к стене, я подозрительно покосилась на сыщика, но он был занят делом. Рылся в вещах Агаты. Я тщательно зарисовала крылья. Подумала и добавила их уменьшенную копию на рисунок с брызгами крови, старясь изобразить всё в точности, даже скол.

Пока я рисовала, обратила внимание, что скол кирпича

с рисунком отличается от соседних. Те были потемневшие от времени и погоды, на некоторых уже вырос зелёный мох, а этот скол был слишком светлым. Я прикоснулась к нему. Красноватая кирпичная крошка прилипла к кончику пальца.

Скол свежий! Его специально сделали, чтобы нанести рисунок! Но для чего? Метка? Чтобы точно заметили?

Надо срочно посетить предыдущие места преступлений и сравнить найденную улику.

— Мисс Честер? — позади раздался холодный голос Бекендорфа.

Я резко одёрнула руку, как будто обожглась о раскалённую каминную решётку.

— Я закончила, сэр, — захлопывая блокнот и пряча его в сумку, ответила я, — тороплюсь домой. Очень хочется отведать успокоительных капелек, сэр!

— Всего хорошего, мисс Честер, — ответил Бекендорф.

В его глазах вызревало недовольство. Значит, уловил мою шпильку. Я предпочла проигнорировать очередную смену эмоций у сыщика, кивнула головой, прощаясь, и гордо прошествовала к выходу из переулка, где стоял полицейский крисмоби́ль.

Старший инспектор распахнул передо мной дверь, я села, но напоследок бросила взгляд на место преступления, чтобы запомнить некоторые детали. Бекендорф стоял, заложив руки за спину, и рассматривал стену, на которой доктор Декстер обнаружил рисунок. Закрывая дверь, я увидела, как Бе-

кендорф протянул руку и прикоснулся к стене.

Та-ак! Он пришёл к тем же выводам, что и я! Что ж, в умственных способностях ему не откажешь, как и во внешности, но вот всё остальное оставляет желать лучшего. Впрочем, пусть. Всё равно я буду на месте раньше заносчивого сыщика.

Решение уже вызрело.

Я стану самостоятельно работать над этим делом и несносный мистер Бекендорф мне не мешает! Агата нуждается в моей помощи!

Глава 4

Глава 4

Полицейский крисмобиль натужно гудел, тарахтя по дороге, мощённой квадратными гранитными плитами. Заторы, как всегда в это время дня, были просто ужасными.

Омнибусы, хрипящие паром, следовали от рабочих кварталов, вливались в шумный поток безлошадных повозок, движимых артефактами, и крисмобилей. Хаоса добавляли конные всадники, на всхрапывающих конях и одиночные конные повозки – фаэтоны, владельцы которых так и не смирились с нашествием пара и магии на дорогах, оставаясь строгими поборниками старых привычек.

Я, поглядывая в окно на проплывающие мимо улицы, подпрыгивала на сиденье в такт движению мобиля по сбитым дорожным плитам. Данг! Тряхнуло. Данг! Опять тряхнуло.

Думать мне тряска не мешала, но доставляла значительное неудобство господину старшему инспектору. Перкенсон напряжённо следил за дорогой, управляя мобилем. Инспектор шипел на кочках, которые бередили его застарелый радикулит, вздрагивал плечами и сжимал губы, чтобы не ляпнуть грубое словцо, способное долететь до моих ушей.

Суета на дороге добавляла страданий господину инспектору. Он фыркал носом, когда его пытались подрезать особенно лихие мобили или фаэтоны, управляемые бесшабаш-

ными водителями.

Перкенсон испытывал ко всему новому стойкую неприязнь, граничащую с паранойей, а дорогу, напичканную крисмобилиями, не выносил на дух.

Но положение обязывало ездить на крисмобиле. И исполнительный Перкенсон ездил.

Все знали, что старший инспектор так и не смирился с крисмобилиями и магическими артефактами, которые прочно вошли в жизнь Англии после катастрофического неурожая картофеля на всей территории страны. Пять лет назад картофельная эпидемия или «серая гниль», как нарекли болезнь вездесущие газетчики, стала предвестником грядущего соприкосновения миров.

Мир после этого очень сильно изменился.

— Ублюдок, сын седой ослицы! — заорал во весь голос Перкенсон, дёргая руль и выводя мобиль из-под удара несущего наперерез нам омнибуса, битком забитого рабочими.

Истошно завизжали тормоза, взвыли кристаллы движения. Из кресел резко вылетели ремни безопасности, захлестнулись вокруг тела и прижали к спинке сиденья. Мобиль дёрнулся и замер у края дороги.

— Простите, мисс Честер, — повинился инспектор, — не сдержался. Вы только посмотрите на него! Даже не подумал остановиться!

Омнибус, немного кренясь на бок, уносился вдаль, залихватски хрипя паром и объезжая встречный транспорт.

— Ничего, старший инспектор, — выдохнула я, пытаюсь расслабить ремни, стянувшие мою грудную клетку, — вы были напуганы.

— Был, мисс Честер, но стоит, всё же, подбирать выражения в присутствии юной леди. Я помогу. Подождите... надо вот здесь пимпочку нажать.

Перкенсон нажал на защёлку, крепившуюся к сиденью кресла. Ремни свистнули и скрылись в неприметных пазах. Дышать сразу стало легче.

— Уф, — облегчённо вздохнула я, поправляя сбившийся жилет, — в это время дня центральная дорога просто невозможное препятствие на пути к дому.

— Совершенно с вами согласен, мисс Честер, — Перкенсон вытер испарину с красного от напряжения лица.

— А впереди Темпл-Бар и Лондонский мост, — протянула я, искоса поглядывая на старшего инспектора.

— О, господи! Который час, мисс Честер?

— Одиннадцать тридцать, господин инспектор. Ах! Самое время затора! — страдальчески вскрикнула я, пряча часики обратно в кармашек.

— Не успели, — унылые усы Перкенсона обвисли ещё сильнее.

Дороги города даже ночью не бывают пустыми, но основное движение начиналось с одиннадцати дня до пяти часов вечера. Езда превращалась в нескончаемое приключение с препятствиями, подобное тому, что произошло с нами. Но

страшнее всего были заторы. В них можно застрять надолго — мой рекорд четыре часа стояния на месте.

Главный ужас всех водителей города это дневной затор между Темпл-баром, Лондонским мостом и Банком. Скопление экипажей, мобилей и омнибусов иногда достигает нескольких тысяч. Что поделать, Лондон город активный, а значит и транспорта тут больше, чем где бы то ни было в стране.

Путь к моему дому пролегал как раз через Лондонский мост, который сейчас должен был походить на взятую в осаду крепость. Я всегда покидала участок до одиннадцати, чтобы успеть проскочить мост, прежде, чем там случится очередной затор. Мне это было не по душе, я мечтала полноценно работать в участке, но матушка добилась, чтобы время моей стажировки ограничивалось тремя часами.

Ехать сейчас на мост, когда время приближалось к полудню, это значит простоять в заторе минимум три часа в одну сторону и столько же, чтобы выехать обратно.

Для Перкесона это прямое нарушение приказа. Для меня сплошная удача — если уговорю инспектора, то появляется возможность попасть в участок, чтобы взглянуть на собранные улики и сравнить с теми, что было у меня на руках.

— Старший инспектор, сэр, я предлагаю поехать в участок, — я приступила к выполнению своего плана, — так вы сможете выполнить распоряжение королевского сыщика. Сэр, я думаю, мистер Бекендорф будет недоволен, если вы

задержитесь.

— Но и вас он приказал доставить до дома, мисс Честер.

— Я понимаю, сэр. Только предполагаю, что королевский сыщик понятия не имел, где я живу, — я добавила в голос искренности, — тут может справиться только высший маг, сэр. Открыть проход через мост, минуя затор доставить меня домой, а затем за секунду переместить мобиль обратно. Сэр! Подумайте!

Инспектор мялся, задумчиво поглядывая на дорогу, а я сделала последний ход.

— Сэр, я побуду в участке до часа по полдню, а потом отправлюсь в кондитерскую к миссис Эбигейл за заказом. Ма-тушка попросила забрать кремовые пирожные к сегодняшнему ужину. Потом меня ждёт модистка, сэр и ...мне есть чем заняться, поверьте, я не стану возвращаться на место преступления, как того опасается мистер Бекендорф.

И это сработало. Перкенсон, добродушный в принципе человек, встал на путь борьбы с преступностью совершенно случайно. Лет десять назад он охранял Лондонский Банк и задержал банду грабителей, за что получил награду от города. От банка Перкенсон получил значительную денежную премию и должность главы всего охранного отдела, где отличился за два года службы. Поэтому, когда Лондон разделили на округа, начальником седьмого назначили Перкенсона, как самого подходящего кандидата.

— Вы правы, мисс Честер, — краснота с лица инспектора

моментально сошла, — поедемте в участок.

— Конечно, сэр! — ответила я, пряча улыбку.

Я даже не покривила душой, когда говорила, что пойду в кондитерскую. Мне на самом деле нужно забрать заказ ма-тушки, но главное не это. От кондитерской до первого места преступления всего двадцать с небольшим минут пешком.

Перкенсон вывел крисмобиль на дорогу, свернул в переулок и погнал к участку коротким путём, который пролегал по узким улочкам. К счастью, движение тут было почти расслабленным. Высокие омнибусы в улочки не влезали, а крисмобили были редкостью — не по карману они простым обывателям. На встречу попались только парочка жалких фаэтонов, да несколько всадников. Чем дальше от центральных дорог, тем меньше народу.

Крисмобиль фыркнул и замер у самого крыльца участка, на котором дежурил Скат. При виде инспектора, констебль вытянулся по стойке смирно и почтительно вытаращил глаза.

— Констебль, что в участке? — спросил старший инспектор, поравнявшись с констеблем.

— Без происшествий, — отчеканил исполнительный страж.

— Соберите весь состав в моём кабинете, — приказал инспектор, входя в участок.

— Есть, сэр! — донеслось нам вслед.

В участке привычно пахло пылью, сургучом и крепким табаком. Сквозь пыльные окна сочился мутный свет, прида-

ющий суровости полицейскому участку.

Из-за двери, как чёрт из табакерки, выскочил сержант Шенс.

— Господин старший инспектор, — выпалил он сиплым от простуды голосом, — обследования реки и каналов завершено. Ничего не найдено. Прикажете начинать сначала?

Сержант, одетый в стандартную полицейскую форму, сегодня выглядел неважно. Покрасневшие от температуры глаза влажно блестели лихорадочным блеском, шею украшал толстый вязаный шарф, согревающий простуженное горло, из носа текло. Почтение перед начальством не позволяло Шенсу вытереть нос платком, который он сжимал в руке, поэтому сержант страшно шмыгал. Ему бы выходной, а не осмотр мест возможного нахождения тел пропавших дам.

— Отставить повторное обследование, — Перкенсон снял котелок и окинул сержанта сочувствующим взглядом, — всех в кабинет. Порядок расследования будет изменён, — жёстким тоном пояснил он, а после добавил, но уже привычно мягким голосом, — всё-то мы не так делаем. К нам прибыл королевский сыщик. Граф Кристиан Бекендорф.

— Господа, я пожалуй пойду. Займусь делами, — встряла я.

Не хотелось терять драгоценное время. Упомянутый сыщик мог в любой момент прибыть в участок и тогда мне не поздоровится.

— Конечно, — кивнул Перкенсон.

Открывая дверь в свой кабинет, я услышала сдавленно-хриплое восклицание сержанта Шенса:

— Тот самый?...

Продолжение фразы скрыла дверь. На секунду появилось желание вернуться и спросить что за «тот самый», но я справилась с любопытством и вытащила из сумки блокнот. Какая разница кто он, если работать мне не даст?

Всю стажировку я проводила в комнате, битком набитой бумагами. Она не имела названия, поэтому сначала я нарекла её «архивом», а потом своим кабинетом. Сюда складировались все дела – раскрытые, нераскрытые и находящиеся в работе.

Складировались это громко сказано, лучше подходит слово – сваливались. За месяц стажировки я сумела разобрать большую часть бумаг, отсортировать и привести архив в надлежащий вид. Теперь можно было легко найти любое дело, а не рыться в бумагах часами. За что удостоилась от Перкенсона благодарности, а от сержантов и инспекторов уважения.

Я достала записи и рисунки с прошлых мест преступлений, разложила на столе и начала сравнивать с тем, что сделала сама. И сразу наткнулась на несоответствия.

Во-первых, осмотр проводился из рук вон плохо. Сейчас я могла твёрдо об этом заявить. Мобили осматривали поверхностно, зафиксировав только сам факт их присутствия. Узнать, были ли так же выдраны кристаллы движения, можно будет, если я стащу ключи от гаражей.

Во-вторых, рисунки сержанта Шенса, которые мне казались вполне подробными, оказались весьма схематичными. Доктор был прав. Шенс фиксировал только явные вещи, игнорируя или опуская детали. Рисовал крismoбиль, но не отмечал открытых дверей, отчего неясно было, выглядел ли брошенный мобиль так же, как тот, что сегодня осматривала я.

В третьих, записи весьма скудно описывали всё найденное на месте происшествия.

— Весьма печально, — вздохнула я, помечая в блокноте несоответствия и выписывая адреса жертв, — невнимательно подошли к делу.

Я сложила все бумаги обратно, сунула блокнот в сумку и приоткрыла дверь. В участке было тихо, значит все уже отбыли. По идее, сейчас нас тут двое – я и дежурный констебль. Что ж, очень удачно.

Ключи от гаражей висели на стене в кабинете старшего инспектора. Любой в участке имел доступ к ним, да и кабинет инспектора при мне ни разу не запирали. Поэтому я просто взяла ключи, выскользнула в заднюю дверь и пересекла большую площадку, разделяющая гаражи и здание участка.

Гаражи были не заперты. Я фыркнула, отодвигая ворота, чтобы впустить немного дневного света и юркнула внутрь.

В принципе, и так всё было ясно. Мобили молчали, значит кристаллов там нет. Но я всё равно взялась за осмотр.

Крismoбили стояли, накрытые брезентовыми чехлами, на

которых висели подписанные бирки. Улица, время и номер. Хорошо, хоть так отметили, потому что модели крисмобилей были абсолютно одинаковыми.

Когда я откинула чехлы, вверх поднялась небольшая тучка пыли. Чихнув пару раз, я открыла переднюю дверь первого мобиля. Внутри был абсолютный порядок. Ни следов крови, ни следов борьбы. И так же пахло лемонграссом с тонкой ноткой горечи. Запах ощущался слабее, почти выветрился, но всё ещё был.

Захлопнув дверь, взялась за капот мобиля. Так и есть — кристаллы кто-то выдрал. С корнем. Осмотр второго мобиля дал идентичные результаты. Запах лемонграсса с горечью увядающей ромашки и отсутствие кристаллов движения.

Возвращая ключи в кабинет старшего инспектора, я ломала себе голову над тайной вырванных кристаллов. Кому они понадобились? Для чего их вытаскивали из мобиля? На что ещё способны кристаллы, кроме как приводить в движение мобиль? И почему никто из участка не обратил внимания на то, что мобили молчат?

Я помню, как их приволокли в участок, зацепив за полицейский крисмобиль крепким тросом. Тогда я решила, что так положено, но теперь пришла к другому выводу. Полицейские не сумели завести мобили и недолго думая, просто пристегнули их к крисмобилю. Возможно, они решили, что кристаллы выдернули мелкие воришки, нашедшие брошенные мобили.

— Мисс Честер!

— Констебль, — вздрогнула я от неожиданности.

Оказывается я так и стояла, замерев, возле кабинета старшего инспектора, задумчиво держась за ручку двери. Здесь меня и нашёл дежурный констебль Скат.

— Старший инспектор отбыл на место преступления, — мягко пояснил констебль, — почти час назад.

— Благодарю, констебль Скат, — ответила я, отпуская ручку, — хотела попрощаться со старшим инспектором. Я ухожу домой.

— Я передам, мисс Честер, — кивнул констебль, — а как вы в такой час до дому доберётесь, мисс?

— Заторы? — я легкомысленно махнула рукой и улыбнулась, — я ещё часа три побуду в городе. В планах кондитерская, модистка и давняя подруга, которая давно ждёт меня в гости. Как раз покончу со всеми делами и заторы разойдутся!

— Тогда другое дело, — улыбнулся констебль Скат, — доброго дня, мисс Честер.

— И вам, констебль, — присела я в лёгком реверансе.

Знаю, что это лишнее, но удержаться не могла. Реверансы очень сильно действовали на констеблей. Они горделиво выпячивали грудь, наливались важностью. Становились внушительнее. А меня очень и очень уважали, запросто выбалтывая то, что старший инспектор скрывал, сберегая мою нежную девичью натуру.

Подходя к кондитерской мисс Эбигейл, чтобы оплатить

матушкин заказ, я уже набросала примерный план действий. Сначала осмотреть все места преступлений и зарисовать крылья, если они ещё не стёрлись. Затем посетить дома жертв и выяснить, что их связывало. Напоследок я оставила Агату. Прошло много лет, с тех пор, как мы виделись в последний раз. Я понятия не имела, где она живёт и вышла ли замуж, но дом её отца я могла посетить.

— Свежая пресса! Свежая пресса! – взвыл мальчишка-газетчик, перекрывая воплем даже шум дороги, — новое преступление! Новая жертва! Полиция бездействует!

Под ногами мальчишки лежала толстая стопка свежих газет. Я прибавила шаг, чтобы успеть, прежде чем набежит толпа, протянула мальчишке три пенса и взяла газету. Она сразу же испачкала пальцы краской.

Визл, как всегда, уже успел накропать статейку и выдать её в редакцию. Оперативно работают, не то, что мы. Интересно, что он ещё успел раскопать? Я отошла под стену кондитерской, осторожно развернула газету и раскрыла рот от удивления. Я на первых полосах газет. Я и Кристиан Бекендорф. И изобразили нас так, словно мы милующаяся парочка, а не работники сыска. А снизу шёл заголовок, крупным шрифтом:

«Королевский сыщик заигрывает с леди вместо того, чтобы искать пропавших дам»!

— Не-ет! – простонала я, сворачивая газету, — матушка меня убьёт...

А на меня уже пялились зеваки, держащие в руках свежие газеты.

Глава 5

Глава 5

Бежать смысла не было. Оправдываться – глупо. Не станешь же подходить к каждому, кто прочёл гадкий пасквиль Визла, и, жалко заглядывая в глаза, униженно шептать: «Это не правда! Журналисты всё выдумали»!

Пф! Ещё чего!

Поэтому я поступила так, как положено леди. Надменно вздёрнула бровь, свернула жалкую газетёнку, сунула её в ближайшую урну и брезгливо отряхнула руки. А после, прошествовала мимо онемевших зевак с гордо поднятой головой.

Мелодично звякнул колокольчик над дверью кондитерской и только теперь я выдохнула. Как бы я ни держала лицо, как бы ни изображала невозмутимость, но мне было не по себе. Зеваки это так, ерунда. Хуже будет, когда газеты попадут в дома знакомых и родственников. Поджатые губы, снисходительные взгляды, беседы, затихающие при моём приближении – вот, что ждёт меня в ближайшие пару недель.

Но даже это ни идёт ни в какое сравнение с тем, что устроит мне матушка, когда узреет гнусный пасквиль Визла. Одна надежда на отца, который должен вернуться из поездки со дня на день.

— Леди Алисия, — миссис Эбигейл, очаровательная

блондинка в накрахмаленном фартуке и строгом платье, приветливо улыбнулась из-за прилавка, — рада вас видеть!

Кладезь новостей и слухов, миссис Нанита Эбигейл проработала в кондитерской всю свою жизнь. Сначала здесь хозяйничал её отец — мистер Андерсон. Он крепкой рукой руководил делом, успевая выпекать превосходные пирожные и пряники, воспитывать в одиночку дочь и вести маленькое хозяйство. Потом, когда Нанита выросла и вышла замуж, мистер Андерсон ушёл на покой, передав успешное дело дочери. Сам мистер Андерсон иногда приходил в кондитерскую, сидел у окошка на стуле и здоровался со старыми клиентами. Сегодня его коронное место было свободно.

— Миссис Эбигейл, — я с наслаждением вдохнула воздух кондитерской, который пах ванилью, корицей и цуккатами, — я тоже очень рада вас видеть! Как поживает мистер Андерсон?

— Жалуется на свои старческие немощи, — мягко ответила миссис Эбигейл, — но буквально вчера, вооружившись своей тростью, совершил пешую прогулку до Гайд-Парка, чтобы одним глазком взглянуть на Великую выставку! Отец весь вечер восхищался Хрустальным дворцом. Нужно будет выкроить минутку и вместе с мистером Эбигейлом посетить это чудесное место.

— О, вам обязательно следует это сделать. Выставка продлится ещё целый месяц. Я успела побывать на ней в самом начале, во время открытия. Там представлены великолепные

модели крисмобилей, ещё не запущенных в производство, — поделилась я впечатлениями.

Билеты на Великую выставку нам достались легко, как и всем представителям аристократических семейств Лондона. Корона гордилась своими промышленными, магическими и торговыми достижениями, но восхищаться в одиночку было скучно. Поэтому по высочайшему повелению Короны, в Гайд-Парке выстроили Хрустальный дворец, в котором устроили демонстрацию достижений. Крисмобили там и вправду были шикарные, однако меня больше интересовали новшества в области артефакторики, для которых в Хрустальном Дворце выделили небольшой уголок.

Но меня ждало разочарование и недоумение. Новых моделей не было, лежали только давно известные и основательно используемые артефакты.

Зато выставка торговых достижений занимала едва ли не половину Хрустального дворца. Там душно пахло специями, чужеземными фруктами. Искрились тончайшие расшитые золотом ткани, струился невесомый шёлк. Матушку едва увели из этой части дворца. Она хотела скупить всё, но расчётливый отец пригрозил лишить её средств, если матушка не возьмёт себя в руки.

Матушкина мечта продефилировать по Бонд-стрит в обновках моментально рухнула. Она обиженно поджала губы и промолчала целую неделю, игнорируя нас с отцом. Прощение удалось заслужить только большим отрезом нежно-зелё-

ного шёлка и флаконом жасминовых духов с тонкой ноткой осенних хризантем.

— После вашей рекомендации, мисс Алисия, я непременно схожу на выставку. Тем более, я давно никуда не выбиралась, — посетовала миссис Нанита Эбигейл, — ох, что-то я заболталась. Заказ вашей матушки готов.

— Отлично, миссис Эбигейл. Позвольте его ещё некоторое время придержать у себя. Я оплачу сейчас, а пирожные заберу позднее. Сейчас попасть домой просто нереально. Сами понимаете, Лондонский мост в час пик это сущее наказание, — я вытащила из сумки кошелёк, — схожу к модистке, загляну к подруге, а там уже и затор разойдётся.

— Разумеется, мисс Алисия, — согласилась миссис Эбигейл, ссылая деньги в ящик, — только я бы, на вашем месте, не особо разгуливала в наших местах.

— Что так?

Нанита затравлено оглянулась, хотя в кондитерской кроме нас двоих никого не было, наклонилась ближе и заговорила сдавленным шёпотом.

— Ходят слухи, что в наших краях завёлся второй Джек-Потрошитель. Он похищает юных девушек, утаскивает в своё логово и творит с ними... всякие непотребства!

Ох, как журналисты ловко подогрели общественное мнение. Теперь в каждом прохожем будет таиться опасность и угроза. Вечерние улицы начнут пустеть, едва солнце станет клониться к закату, а полицейские получают злые взгляды и

жалобы за бездействие.

И ведь ещё не найдено ни одного тела!

— С чего возникли такие слухи? — спокойно поинтересовалась я.

— Мисс Алисия, вы же работаете в полиции! — удивлённо-испуганно раскрыла глаза Нанита.

— Стажируюсь. Писарем в основном, — коротко пояснила я.

В целом, это была правда. До сегодняшнего утра моя стажировка больше походила на службу писаря, нежели сыщика.

— Неужели вы не в курсе? Пропадают девушки! И все случаи в опасной близости от нашего боро! — придушенным голосом продолжала рассказывать Нанита, — говорят, на местах преступлений видели высокую фигуру в чёрном...

Я мгновенно напряглась. А вот это уже интересно. Конечно, слухи могут оказаться только слухами, но откидывать их без проверки не стоит. «Высокая фигура в чёрном» обязательный фигурант любого происшествия, будь то пропажа яичного лотка у обывателя, или кража золотого кольца у ювелира. А уж если дело связано со смертью, то фигура в чёрном возникает сама собой и дышит в спину всем дознавателям и сыскарям.

Однако слухи могут привести на след. Фигурой в чёрном может быть и дворник, и трубочист, и реальный злоумышленник. Надо только узнать подробности.

— Нет, миссис Эбигейл, я, конечно же, знаю о пропавших леди, — мои слова зажгли в глазах Наниты опасный огонёк любопытства, однако подробностей от меня не последовало и Нанита разочарованно поджала губы, — Но фигура в чёрном... Кто видел? И когда?

— Все! – выпалила Нанита, — абсолютно все!

— И вы тоже?

— Нет, к счастью, не довелось, — расстроено ответила Нанита, — вы же знаете, что работа у меня начинается с раннего утра и заканчивается поздним вечером. Мне совершенно некогда слоняться по улицам.

— Хм, а кто видел?

Миссис Эбигейл подняла глаза к потолку и начала вспоминать.

— Позвольте припомнить. Так-с, миссис Мёрфи, та, что заведует бакалейной лавкой в конце улицы. Мистер Уиллис, точильщик ножей...

Чем дольше Нанита перечисляла «свидетелей» тем быстрее таяла вероятность того, что в их словах скрывалась хоть крупинка правды. Известные болтуны в этой части Лондона. Они всегда всё про всех знали, всё видели, но, стоило только копнуть глубже, как выяснялось, что лично они ничего не видели, а только лишь перевирали оброненные кем-то слухи.

По словам Наниты выходило, что чёрный человек появлялся на местах преступлений дважды: за день до нахождения мобилей и вечером в день преступления, практически

сразу после отъезда полиции. Ничего не делал, только стоял и смотрел. «Его глаза горели адским пламенем, а плащ струился ночным мраком» — так описывали «свидетели» незнакомца. Вот после «адского пламени» надежды истаяли окончательно.

Нет у людей таких способностей. Ни у высших магов, ни у тех, кто перенёс шаманскую болезнь после соприкосновения миров.

— Невероятно! — восхищённо произнесла я, чтобы остановить поток «подробностей» от Наниты, — в этом деле столько всего намешано! Но я пойду, миссис Эбигейл. Спасибо вам за пирожные, а особенно за новости! Я считаю, что вы губите свой талант!

— Талант? — изумилась Нанита, — какой талант?

Я изобразила искреннее восхищение и заговорщицким шёпотом произнесла:

— Вам стоило стать журналистом! Да, да. Все владельцы лондонских газет сражались бы за право иметь вас в своём штате! — я наблюдала, как щёки Наниты окрашиваются розовым, а потом добавила, зная, что она большой фанат одного гадкого писаки, — Визл вам в подмётки не годится! Он способен только выдумывать, в то время как вы, миссис Эбигейл, всегда оперируете фактами и только фактами!

Моя грубая лесть сработала даже лучше, чем я рассчитывала. Нанита замерла, приоткрыв пухлые губы. На щеках её заалел румянец смущения, в глазах появилась мечтатель-

ность. Я решила закрепить успех.

— Не далее, как сегодня утром, господин старший инспектор Перкенсон разрешил мне нанимать информаторов из народа, отдавая предпочтение дамам. Он так и сказал «Мисс Честер, самые наблюдательные существа в мире это прекрасные женщины. Они способны замечать всё то, что мы, мужчины, совершенно упускаем из виду». Так вот, миссис Эбигейл, правом, данным мне господином старшим инспектором, я нанимаю вас на должность тайного агента полиции седьмого округа Лондона! Должность почётная, но не оплачиваемая. От вас ничего не требуется, просто смотрите по сторонам, собирайте все слухи, даже самые незначительные и докладывайте мне. Я буду посредником между полицией и вами. И прошу вас, миссис Эбигейл, держите всё втайне!

Эффект от моего предложения был ошеломительный. Нанита вытянулась по струнке, напустила на себя важности и дрожащим голосом провозгласила:

— Служу Короне!

— Корона это ценит, — откликнулась я, — я пойду. У меня есть неотложные дела. Ну, вы понимаете...

Нанита дёргано кивнула.

— Модистка! — она понимающе подмигнула мне, — Да-да. Хорошего дня, мисс Честер! Я буду бдить!

Выходя из кондитерской, я испытывала небольшие угрызения совести. Однако на ступенях кондитерской столкну-

лась взглядом с очередным читателем Визловых новостей, и все сомнения смыло без следа.

Миссис Эбигейл слыла непререкаемым авторитетом в этом районе. Она умела сказать своё веское «фи», остановить споры. К её мнению прислушивались, его цитировали и ссылались на него в разговорах. Теперь каждый, кто прочёл утренние новости, и решивший обсудить их с Нанитой, получит неожиданный сюрприз. Ободрённая моими словами и новой тайной должностью, миссис Эбигейл до пены у рта будет доказывать, что в газетах сплошной вымысел. Достанется на орехи и сладкоежке Визлу, который периодически заходит в кондитерскую за пирожными. Гонорар так отмечает.

Так что, журналист Визл – вы сами напросились!

Под заинтересованными взглядами зевак, которые я с достоинством игнорировала, добралась до переулка Вольных Каменщиков – места, где произошло первое преступление.

Идеальное место, чтобы вершить злодейства. Переулок был сквозным, выходил в обе стороны на довольно оживлённые улицы. Затеряться на таких не сложно, если только не нести безвольное тело на плече. Значит, преступник воспользовался средством передвижения. Интересно, что он выбрал фаэтон или крисмобиль? Логичнее предположить, что мобиль, тогда более-менее становится ясно, для чего нужны кристаллы движения. Но и версию с фаэтоном не стоит упускать из виду.

Я сделала себе пометки в блокнот и подошла к стене.

Пятна крови уже замыли, но сделали это из рук вон плохо. Так что нужное место найти не составило труда. Я опустилась на корточки, искала взглядом скол кирпича и с удовлетворением хмыкнула. Свежий скол, уже слегка запылённый, а на нём распахнутые крылья.

— Так, так, так, — я принялась зарисовывать находку.

Тщательно выводя последние линии и высунув кончик языка от напряжения, я внезапно почувствовала чей то неприятный, тяжёлый взгляд у себя на затылке. Такой тяжёлый, что по шее побежали ледяные мурашки. Неужели слухи оказались правдивы и за моей спиной стоит тот самый в чёрном плаще с адским пламенем в глазах?!

Стараясь не подавать виду, я продолжила рисовать, а сама судорожно соображала, как призвать демона-лиса на помощь и не угодить под надзор, как опасный магический элемент, когда над ухом прозвучали строгие слова, которые напугали меня ещё сильнее:

— Мисс Честер! Что вы тут делаете?

Право слово, лучше бы адский преступник, чем королевский сыщик Бекендорф!

Визуалы героев

Леди Алисия Честер, 21 год. В шестнадцать лет, после перенесенной шаманской болезни, открыла в себе дар призыва коккури (демона-лиса). Вынуждена скрывать свой новоприобретённый навык ото всех. Вызыватели коккури вне закона Англии.

Умна, дальновидна, внимательна, вежлива, терпелива. Не выносит принуждения и грубости.

Воспитание получила соответственно статусу и мечтает приносить пользу обществу.

Но по достижении совершеннолетия, вынуждена находиться в постоянной войне со строгой матушкой, которая желает видеть свою дочь замужем за достойным господином, а все мысли Алисии считает глупой блажью.

Граф Кристиан Бекендорф, 28 лет. Королевский сыщик. Суровый, жёсткий человек. Не лишён обаяния, если ему это необходимо. Умён, находчив, физически силен.

Пять лет назад, во время соприкосновения миров, особо отличился в деле решения возникших проблем. А что это были за проблемы и какие тайны скрывает королевский сыщик, мы обязательно узнаем!

Глава 6

Глава 6

Сказать, что я обмерла от ужаса, это не сказать ничего. Нарушение прямого приказа начальства влекло за собой наказание похлеще, чем матушкино молчание. Меня могут отлучить от стажировки, несмотря на высокое покровительство. Ещё и старшего инспектора подставила.

Но мучиться раскаянием было поздно. Поэтому я встала, набрала в лёгкие побольше воздуха и повернулась, мило улыбаясь королевскому сыщику.

— Мистер Бекендорф! — я удивлённо захлопала ресницами, — какая неожиданная встреча!

Моё кокетство произвело на королевского сыщика нулевое воздействие. Он хмуро буравил меня тяжёлым взглядом, совершенно игнорируя улыбки и нежное порхание ресниц. От злости у сыщика подрагивал уголок рта. Я поёжилась. Такое ощущение, что сейчас у Бекендорфа внезапно прорежутся клыки и он меня просто покусает. Утробно рыча, как голодный зверь.

— Действительно неожиданная встреча, — жёстко бросил Бекендорф, — не знал, что ваше место жительства, мисс Честер, стена в переулке Вольных Каменщиков. В противном случае, поселил бы вас в участке, — секундное молчание сыщика и язвительное продолжение не заставило себя ждать,

— в комфортабельной камере для злостных правонарушителей.

— Сэр, ваши шутки неуместны и оскорбительны, — я перестала кривляться и серьёзно взглянула в глаза Бекендорфа. К чему кокетство, если стандартное женское оружие не действует?— Во-первых, попасть домой в промежутке между одиннадцатью и пятью, я не могу.

— Лондонский мост? — сухо поинтересовался сыщик .

— Вы весьма догадливы, сэр. Во-вторых, моя стажировка заканчивается в десять тридцать, а после я гражданское лицо, которое вольно заниматься чем угодно.

— Вам угодно вмешиваться в работу полиции, мисс Честер, а мне угодно отправить вас в камеру, до выяснения обстоятельств, как и любое другое гражданское лицо. Возможно, вы замешаны в деле, являетесь сообщником или, что вполне вероятно, непосредственным участником злодеяний. Весьма странно, мисс Честер, что первое исчезновение произошло ровно через десять дней, после вашего появления в участке. Видите, я даже предлог нашёл, чтобы выполнить своё обещание.

Слова Бекендорфа произвели ошеломляющее действие. И нет, обидное обвинение прошло мимо моих ушей, но натолкнуло на мысль, к которой я раньше и не склонялась.

Внутри мобилей отсутствовали следы борьбы. Мягкие подушечки на сиденьях, обязательный атрибут всех женских крисмобилей, находились на своих местах. Не было ни цара-

пин, ни повреждённых частей обшивки. Да даже драгоценные янтарные обереги-ароматизаторы, висели на специальном крючке, крепившемся на лобовом стекле. И запах лемонграсса с ноткой увядающей ромашки – это же женские духи!

Дамы в нашем обществе доверяют только себе подобным. Ни одна женщина добровольно не откроет дверь мобиля незнакомому мужчине. Преступник должен был силой проложить себе путь, а это бы обязательно оставило следы. Выкрученная и погнутая ручка дверцы, разбитое стекло, следы отчаянной борьбы. Но и это бы не произошло, потому как при первых признаках опасности дамы завели бы мобиль и умчались, отчаянно сигналив.

Значит вариантов два: во-первых, преступником может быть знакомый мужчина, не стоит отмечать эту версию без проверки. Во-вторых, в деле замешана женщина! Шерше ля фам, как говорят французы! Женщина женщину воспринимает без угрозы, может открыть машину и добровольно выйти на улицу. А там... вариантов тьма: на жертву накидывается соучастник преступления и усыпляет с помощью любого средства или магического воздействия. Или сама дама-приманка применяет что-то, чтобы отключить сознание жертвы, нанести раны...впрочем, надо выяснять.

Надо непременно узнать, как между собой связаны все три жертвы. Были ли они знакомы и пересекались где-нибудь на светских раутах. Что у них общего, схожего.

Пока, мне известно только то, что две жертвы были заму-
жем, причём брак был заключён два года назад. А вот Ага-
та... надо это выяснить. Вензеля на обивке чемодана говори-
ли, что имя у неё прежнее, но зная Агату нельзя ни в чём
быть уверенной. Из простого упрямства она могла оставить
свои инициалы и даже в обществе представляться девичьим
именем.

Но зачем всё-таки выдирали кристаллы и рисовали кры-
лья на стене? Метка преступника? У нас новый серийный
убийца, под стать Хмурому Билли?

— Мисс Честер? — как во сне я услышала голос Бекендор-
фа, — с вами всё в порядке?

Странно, но мне показалось, что в его голосе мелькнули
едва уловимые нотки беспокойства и участия. Да, нет! Быть
не может, чтобы этот сухарь вдруг испытал волнение за ме-
ня!

— Мистер Бекендорф, — я вынырнула из мыслей, окину-
ла сыщика внимательным взглядом. Так и есть, просто пока-
залось. Стоит и хмуро оглядывает меня, в глазах плещется
жёсткое равнодушие, — вы гений!

Правая бровь «гения» резко взлетела вверх, придав хму-
рому лицу сыщика иллюзию удивления.

— Что, простите?...— начал он, но я не дала ему продол-
жить.

— Ваши слова натолкнули меня на мысль! — бойко затара-
торила я, — лемонграсс это женские духи! Я слышала мно-

го ароматов, когда была на Великой выставке, в Хрустальном Дворце! Надо искать торговца и выяснять всех, кто покупал подобные духи. Так мы можем выйти на след преступника или банды, если таковая имеется. Нет следов борьбы — возможно в деле замешана женщина. Надо выяснить, была ли Агата замужем и что её связывает с другими жертвами! Нельзя медлить, мистер Бекендорф! Надо срочно посетить второе место преступления, зарисовать крылья и продолжать расследование!

Судя по всему, сыщик меня не понял. Что ж, я поспешно нарекла его гением, а теперь придётся расплачиваться.

— Сейчас объясню, — заверила я и объяснила, вывалив на сыщика весь ход своих мыслей.

Бекендорф внимательно слушал меня, не перебивая. А я, распалённая, выдавала все идеи и тыкала пальцем в заметки, которые набросала в участке.

— Ехать надо, — ответил Бекендорф, стоило только мне замолчать, — но второе место преступления не нуждается в посещении. Я там был и крылья уже зарисовал. Они идентичны тем, что нашли вы.

В щёки хлынул жар. Всё-таки неприятно прикрываться находкой, которая мне совершенно не принадлежала. Но пути назад не было, поэтому я просто кивнула, ожидая, что сыщик скажет дальше. Если вновь отправит меня домой, то сделаю вид, что подчинилась, а после отправлюсь в Хрустальный Дворец искать торговца ароматами.

— Вы поедете со мной, мисс Честер, — сухой голос разбил мои планы вдребезги, я открыла рот, чтобы начать протестовать, но Бекендорф невозмутимо продолжил, — оставлять вас без присмотра опасно. Ведь вы и не думали возвращаться домой, мисс Честер. Как только затор на мосту разойдётся, я сам доставлю вас в родные пенаты, а до тех пор не спущу с вас взгляда.

— Мне надо забрать пирожные из кондитерской...

— Мы можем сделать это сейчас, — он предложил мне руку, — мой крисмобиль к вашим услугам, мисс.

Что ж, пусть так. Всё-таки я добила своего — провожу расследование, хоть и под приглядом королевского сыщика. Но какая, в принципе, разница, если Агата будет спасена, а преступник наказан?

Я с силой захлопнула блокнот, сунула его в сумку и, проигнорировав предложенную руку, направилась к выходу из переулочка. Бекендорф невозмутимо зашагал рядом. Вскоре мы оказались на оживлённом проспекте.

— Прошу, — Бекендорф указал направление, — мой мобиль. Или вы предпочитаете пешую прогулку?

Ха! Прогулка под руку с неким королевским сыщиком, с которым меня уже связали слухи, по оживлённой части Лондона только укрепит позиции Визла. Он начнёт клепать свои гадкие статьи со скоростью уличного лепщика пирожков с ливером. Матушка, начитавшись газет, сначала закатит глаза и упадёт в обморок, а после сошлёт меня в дальнее име-

ние – с глаз долой из сердца вон!

Или ещё хуже. Потребуется, чтобы Бекендорф немедленно со мной обвенчался. Нет, быть сосланной в глушь, в пампасы гораздо предпочтительней.

— Нет, благодарю. Лучше воспользуюсь вашим предложением, — я посмотрела в сторону, куда указывал Бекендорф и восхищённо воскликнула, — сэр, это невероятно! По спец заказу?

— Верно, — в голосе сыщика впервые мелькнуло что-то тёплое, — у меня тоже есть связи, мисс Честер.

Даже сейчас нашёл повод меня уколоть. Вот ведь несносный человек!

— Пф! – негромко фыркнула я, рассматривая мобиль — связи в нашем обществе играют основополагающую роль, сэр. Негоже ими хвалиться на каждом углу. Могут принять за спесь.

Чтобы не продолжать глупый спор, я подошла к мобиле. Здесь было на что поглядеть. Обычные мобили кургузы и пузаты, уловимо похожи на закрытые фаэтоны, украшены ненужной чеканкой, аляповаты и сверкающи. Исключение составляют только крисмобили полиции, где эксплуатируют самые дешёвые модели, лишённые вычурных украшений.

Мобиль Бекендорфа представлял собой нечто невероятное. Приземистый кузов слегка вытянутой формы, глянцево-серый и неброский, если бы не его необычная модель. Колёса шире раза в два, чем у стандартного мобиля, но при

этом гораздо меньшего диаметра. Из под капота доносилось равномерное гудение, не сказать, чтобы громкое, но оно отличалось от обычного звука мобиля. Словно кристаллов было гораздо больше, чем принято.

Я не удержалась и попросила, уж очень было интересно.

— Сэр, а можно открыть капот?

У Бекендорфа буквально глаза полезли на лоб от моей просьбы. Однако он быстро справился со своими чувствами и невозмутимо поинтересовался.

— Разбираетесь в мобилях?

— Немного, — скромно пояснила я.

Бекендорф ничего не ответил, только неопределённо хмыкнул и покорно открыл капот. Я заглянула внутрь. О, да! Так я и думала — тройной ряд кристаллов движения. Этот мобиль должен развивать невероятную скорость, а обтекаемая форма кузова добавит манёвренности. Великолепная вещь!

И безумно дорогая.

— Удовлетворены?

— Вполне, — равнодушно откликнулась я, отходя к дверце мобиля, — вы вложили в него кучу денег.

— Хм. Что ж, вы правы, мисс Честер, — сухо ответил Бекендорф, открывая мне пассажирскую дверь.

Внутри мобиль отличался лаконичной и сдержанной отделкой. Серая мягкая кожа на сиденьях, чёрная с металлическим отливом панель, в тон ей рулевое колесо.

— Не держите янтарных оберегов? — с улыбкой поинтере-

совалась я, когда мы оба сели в мобиль.

— Нет.

— Не боитесь бродячих духов?

— Нет, мисс Честер, считаю, что это всё предрассудки и суеверия, — откликнулся Бекендорф, — в какую кондитерскую вам надо заехать?

— Прямо по дороге, к миссис Эбигейл.

Мобиль заурчал и мягко тронулся с места, чтобы через пару секунд набрать скорость, которая буквально вдавила меня в спинку сиденья. Бекендорф, в отличие от Перкенсона, чувствовал себя за рулём мобиля комфортно и уверенно. Он явно относился к тем людям, которые приняли изменения в мире со спокойным удовольствием, оценив преимущества и перспективы.

Бекендорф ловко лавировал между спешащим транспортом, не забывая поглядывать на меня краем глаза. Ждал реакции. Наверное, мечтал услышать испуганные крики, или надеялся лицезреть моё падение в обморок, желательно глубокий, но его ждало разочарование.

Признаться, в первые мгновения я испытала испуг, но практически сразу он сменился восторгом. Мобиль прекрасно держал дорогу, скорость будоражила кровь, а сердце радостно откликалось на новое ощущение!

Чтобы усилить эффект, я удобно устроилась в кресле, мягко улыбнулась и задала вопрос:

— Какую скорость способен развить ваш мобиль?

— Около ста-ста двадцати миль.

— О! великолепный результат! – восхитилась я и замолчала, уставившись в окно.

Обычные мобили рядом с крисмобилем Бекендорфа были черепашками, способными плестись со скоростью не более шестидесяти миль в час. Нужно отметить, что королевский сыщик не зря потратил свои деньги.

— Мисс Честер, — внезапно привлёк моё внимание Бекендорф, — как хорошо вы знали последнюю жертву, мисс Агату Говард?

Я ждала этого вопроса. Рано или поздно Бекендорф должен был начать опрос, но всё равно мне стало не по себе. Жертву. Агата – смелая, весёлая фантазёрка Агата – жертва.

— Знала, когда-то, — я тяжело вздохнула, — мы проучились вместе три года. Потом её увёз отец, военный офицер. После этого наши пути разошлись. Агата не оставила своего нового адреса, но у неё был мой, однако...она отчего-то не нашла времени написать мне. Поэтому всё, что я знаю про Агату, связано с её юными годами. Я даже не знала, что Агата вернулась в Лондон.

— Вы можете описать характер бывшей подруги? — неожиданно мягко поинтересовался Бекендорф.

— Могу ли? Да, конечно. Она была, — я замялась. «Была», словно я уже заранее похоронила её. Нет. Нельзя так даже думать! Я продолжила говорить, — Агата бойкая, весёлая, очень умная. Терпеливая, но в меру, то есть вытер-

петь боль от ссадины для неё пустяк, но выносить настойчивые нравоучения от наставниц – категорическое нет! Смелая очень, мы часто пускались в приключения, но практически всегда выходили сухими из воды. Фантазёрка, выдумщица, но беззлобная. Паталогически честная, не терпит лжи и предательства. Пожалуй, всё.

Бекендорф задумчиво постукивал пальцами по рулевому колесу.

— Сэр, — нахмурилась я, — вы сказали «мисс Говард». То есть уже выяснили её статус?

— Нет, выясняем. Но я знаю, что её отец вернулся в Лондон ровно год назад. Мисс Честер, позвольте ещё один вопрос.

— Да, конечно.

— Мисс Агата Говард перенесла шаманскую болезнь?

— Я не знаю, сэр, — твёрдо ответила я, хотя внутренне напряглась, — мы с Агатой расстались примерно за год до события в Йоркшире.

Бекендорф удовлетворённо кивнул, плавно снижая скорость.

— Кондитерская, мисс Честер.

— Благодарю, я быстро.

Мобиль остановился. Мальчишки-газетчика уже не было, читающих газеты – тоже, значит никто не будет пялиться на меня. Я взялась за ручку, повернула, чтобы открыть дверцу, но была остановлена очередным вопросом.

— А вы, мисс Честер, сталкивались с шаманской болезнью?

Глава 7

Глава 7

Провокационный вопрос, на который я, не задумываясь, дала ответ, уже выходя из мобиля.

— Нет, мистер Бекендорф, меня миновала подобная участь.

Голос прозвучал ровно, как и всегда, когда я вынуждена врать о собственном даре.

— Благодарю за честный ответ, — Бекендорф сделал упор на слове «честный», — поторопитесь, время уходит.

— Конечно, я не заставлю вас ждать, — кивнула я, закрывая дверь мобиля.

Я спиной чувствовала тяжёлый взгляд сыщика. Опять это жутковатое ощущение, которое возникло, когда Бекендорф застал меня в переулке. Не поверил он мне. Впервые в жизни моя честная ложь не удалась. Я шла неторопливо, чтобы не показать даже каплю испуга, но мне хотелось бежать. Бежать со всех ног.

Мир никогда не рухнет моментально. Он слишком тяжёл, неповоротлив и велик для этого. Изменения нарастают постепенно, как снежный ком.

За эпидемией серой гнили, которая лишила урожая картофеля всю Англию, Шотландию и Ирландию, пришла новая напасть. Стали заболевать люди. Из разных сословий, разно-

го пола и возраста. Первые случаи, а их было много, связывали с отравлением. Мол, люди ели больной картофель, от того и заболели. Паника захватила жителей. Картофель сжигали, засыпали в ямах, изничтожали даже рецепты блюд, в которых использовался ни в чём неповинный корнеплод.

И никто не верил больным, рассказывающим, что же с ними происходило на самом деле. Всё списывали на жёсткое отравление и галлюцинации, подобные тем, что возникали из-за спорыньи, отравляющей рожь.

Начиналось всё просто. Люди ложились спать здоровыми, а просыпались больными. Высокая температура, лихорадка, потливость. Бред. В этом бреде к больному приходило Нечто.

Туманное Нечто выглядело как полупрозрачная простыня, колышущаяся на ветру. Сначала являлось только во сне, потом стало проявляться и наяву. Только никто не видел это кошмарное Нечто, которое застывало у изголовья кровати больного, мечущегося на мокрых от пота подушках.

Глаза, руки, тело – всё это Нечто скрывало под своим постоянно колыхающимся покровом, но приходил момент, на шестой день болезни, когда покров спадал. И точно так же резко спадала температура у больного. Человек замирал в ступоре, едва дыша и обливаясь холодным потом от страха, который сковывал всё тело. И тогда Нечто запускало свои костлявые пальцы в живот, голову, грудную клетку больного. Оно шебуршало там, внутри тела, кривилось от чего-то,

на что натыкалось.

Нечто перестраивало организм больного. Делала его восприимчивым к магическим нитям, которые медленно проникали в наш мир.

На седьмой день Нечто исчезало, унося с собой болезнь.

Когда больных по всей стране перевалило за три сотни и доктора собрали первую статистику, выявив закономерности и обозначив лечение, паника среди людей спала.

Тогда ещё никто не знал, что за болезнью приходят магические способности.

До появления высших магов оставалась чуть менее трёх месяцев.

Позже эпидемию, как обычно с лёгкой руки газетчиков, нарекут «шаманской болезнью», а всех, перенёсших её, внесут в реестр Короны, как людей, могущих послужить на славу государства.

Однако на деле было всё не так радужно, как могло бы показаться на первый взгляд.

За каждым, чей дар был нестабилен или условно опасен, впоследствии установят надзор, впишут в отдельный реестр, как условно неблагонадёжных, и скроют списки в глубине архивов тайной канцелярии Короны.

Я была обладателем дара, который был опасен без условностей. Призыв коккури достался мне после прихода Нечто.

Мне было шестнадцать, когда я приехала домой на каникулы. Погода была отвратительная, целую неделю беспре-

рывно лил дождь. Я продрогла до костей, пока добиралась до дома. На следующий день меня закономерно свалила неведомая хворь, которую взялся лечить доктор Декстер. Тогда он только начинал свою практику, поэтому все семь дней он не отходил от моей постели, вытирая пот, тщательно измеряя пульс и готовя горькие снадобья на основе хины, чтобы унять жар. Он практически не спал, пытаясь помочь мне.

А когда на седьмой день я выздоровела и рассказала ему про Нечто, доктор Декстер посоветовал мне не обращать внимания на видения, объяснив, что причиной всему высокая температура.

Многим позже, когда выяснилось, к чему приводит шаманская болезнь, доктор Декстер внушительно пояснил домочадцам, включая болтливых слуг, что я подхватила простуду из-за дождя, в который попала в день приезда. «Никаких опасений! У мисс Алисии не было признаков шаманской болезни!» торжественно заявил он, чем успокоил всех.

Но мы оба знали, что это неправда. К простудным не приходит Нечто и не ворошит их внутренности костлявыми пальцами.

Мой магический переход удалось скрыть даже от родителей. Я научилась врать так правдиво, что сама отчасти верила в эту ложь.

Бекендорф первый, кто усомнился в моих словах. Доказать мою ложь может только Высший маг-ментат, но их всего два на всю Англию. Тратить драгоценную энергию, чтобы

разоблачить одну безобидную лгунью они не станут. А Бекендорф может сомневаться сколько ему угодно! Он в своём праве, но и я тоже.

В кондитерской былолюдно.

Миссис Эбигейл за прилавком не было. Вместо неё там хозяйничала миленькая мисс Пиг, улыбочивая девушка, которая раньше была цветочницей. Миссис Эбигейл отметила её прыткость, предприимчивость и расторопность, а после предложила перейти на работу в кондитерскую. Для мисс Пиг это было счастливым билетом в новую жизнь.

Цветочницы, булавочницы и прочие мелкие торговки зарабатывали сущие копейки, но трудились очень много, проводя целый день на ногах и расхваливая свой товар. На заработанные копейки они снимали тесное холодное жильё в самых бедных кварталах, и всё время боялись угодить в рабочий дом по причине болезни или отсутствия средств для существования.

Продавщица в магазине или кондитерской это уже был иной уровень. Стабильный заработок, гораздо выше прежнего, работа в тепле, уважение и, что немаловажно, общежитие с великолепными условиями жизни, которое теперь можно было оплатить.

Впрочем, сотрудничество вышло взаимовыгодным. Миссис Эбигейл не могла нарадоваться шустрой мисс Пиг, чья улыбка привлекала в кондитерскую много молодых людей, которым волей неволей приходилось покупать товар.

— Я за заказом, мисс Пиг, — улыбнулась я продавщице,
— Миссис Эбигейл должна была предупредить.
— Мисс Честер! — звонким голоском ответила продавщица, — ваш заказ готов! Приятного дня!

Мисс Пиг мигом выдала оплаченный заказ, несколько посетителей одарили меня внимательными взглядами, видимо начитались утренних газет, и я спокойно покинула кондитерскую.

Этого времени мне хватило, чтобы успокоиться и ничем не выдать себя.

Поэтому, когда я вернулась в мобиль, то спокойно положила коробку с пирожными на заднее сиденье, а сама вернулась на место. Бекендорф невозмутимо завёл крисмобиль, бросив мне лишь короткое:

— Пристегнитесь, мисс Честер.

Дорога до Хрустального Дворца прошла в молчании, но я чётко поняла — следует быть крайне осторожной в присутствии Кристиана Бекендорфа. Любое неосторожное действие приведёт к большим проблемам.

Мобилю едва нашлось место на парковке у Хрустального Дворца. Скорое закрытие выставки подогревало ажиотаж и поток любопытствующих не ослабевал. Пожалуй, сейчас тут было больше народа, чем во время первой недели.

Я расстегнула ремень и поморщилась, вспомнив утренние газеты. Визл, гадёныш!

— Сэр, нам лучше идти на выставку поодиночке.

— Чтобы вы там что-нибудь учудили, мисс? — ехидно поинтересовался Бекендорф.

— У вас обо мне сложилось весьма неприглядное мнение. Уж и не знаю, чем оно обосновано, — возмутилась я, — подозреваю, что вы не любите женщин.

— Отчего же, — губы Бекендорфа дрогнули в улыбке, — я очень люблю женщин, но не люблю, когда они путаются под ногами.

— Пф! Вы несносны, сэр! Я не путаюсь, а веду расследование! — фыркнула я, но взяла себя в руки, выдохнула и продолжила, — давайте займёмся делом, мистер Бекендорф. Просьбой идти по одиночке я преследую две, нет, даже три цели. Во-первых, Визл в утренних газетах уже успел окрестить нас парочкой. Во-вторых, на выставке могут быть знакомые, а я не желаю становиться объектом для пересудов и дискредитировать своё имя, находясь там с неизвестным мужчиной, которого слухи приписали мне едва ли не в любовники, что так же отправляет нас к первому пункту. Все Лондонцы до жути обожают читать газеты, а значит уже видели гнусный пасквиль. И в третьих, выставка пряностей, духов и масел обширна. Разделившись, мы обойдём её куда быстрее, нежели вместе.

— Разумно, — хмыкнул Бекендорф, — вы весьма предусмотрительны, мисс Честер.

— Вы меня с самого начала недооценивали, мистер Бекендорф.

— Только предупреждаю, мисс, не вздумайте сбежать. Я обещал вас доставить домой и я это сделаю. Иначе, боюсь, ваша предприимчивость может завести вас не туда.

Не туда это куда? Я пожала плечами. Этот несносный тип совершенно не умеет делать комплименты и признавать собственные ошибки. К тому же, глупо отказываться от бесплатного извозчика. Тем более мобиль сыщика, гораздо быстрее и удобнее любого транспорта. Так что, воспользуюсь.

— Мои пирожные у вас в заложниках, мистер Бекендорф. Я не могу бросить этих несчастных кремовых малюток вам на растерзание. Итак, сверим время, — я вынула часы из кармашка, — встречаемся возле вашего мобиля через час. Думаю, этого времени нам хватит. Я пойду первой.

Не дожидаясь ответа, открыла дверь и вышла.

Кажется, Бекендорф захлебнулся собственной гордостью от моей наглости. Хотелось обернуться, чтобы посмотреть как он там корчится и надувает щёки от злости, но я с справилась с желанием, не без труда, надо сказать, и, гордо вздёрнув подбородок, направилась ко входу в Хрустальный Дворец.

Негоже злорадствовать над страданиями проигравшего. Нужно быть милосердной.

Выставка оглушила шумом, одурманила запахами и закружила голову пёстрыми красками.

Выставка только формально называлась «выставкой», но, по сути, была ярмаркой.

Сотни горожанок с горящим взором, обмахиваясь веерами, носились от прилавка к прилавку. Чуть менее возбуждённые господа важно прохаживались между рядами, небрежно поглядывая по сторонам. Торговцы охрипли от бесконечных разговоров, но стойко продолжали расхваливать свой товар.

Выставка во славу Короны, определённо удалась.

Пробираясь между толпами народа, я внезапно выхватила взглядом приметную шляпку. Широкополую, вырвиглазную, украшенную чучелом фазана и яркими камнями. Вот, что значит, не везёт! Сначала Бекендорф, теперь это. Я резко свернула в просвет между прилавками, но «шляпка» меня заметила.

— Алисия, деточка! — властный голос догнал меня, когда я юркнула под прикрытые густо развешанных цветных шалей.

Не останавливаясь, я пробиралась между тканями, натываясь на прилавки и опешивших торговцев, который шарались от меня как от призрака.

— Простите...ой! ...извините! Прошу прощения!

Распутывая ткани, я извинялась на ходу, стремясь убраться, как можно дальше от «шляпки». Потому что под ней скрывалась тётушка Мэйбл – въедливая кузина моей матушки. Попастся ей на глаза, а это я уже благополучно совершила, значит, потерять день. А оно мне надо? Нет, лучше позорно бежать, чтобы впоследствии сослаться на то, что тёт-

тушка обозналась, чем судорожно искать ответы на её пытливые вопросы.

Самый главный, из которых, будет внушительно обвинять меня, что «часики тикают».

— Алисия, деточка, — тётушка Мэйбл обязательно сожмёт мою ладонь своими крепкими пальцами, закатит глаза и, подобрав самый нравоучительный тон, начнёт внушать, — отчего ты изгоняешь всех женихов? Разве ты не понимаешь, что время идёт, мы не молодеем...

В это время обычно подключается матушка и они вдвоём заводят волынку, которая нудно бьёт по ушам, намекая мне на то, что я зря теряю своё время. И их тоже.

Возможно, я бы с радостью пошла под венец, но пока не встретила того единственного, который станет для меня светом в окошке. Обычно, они все гордо заявляют, что дело жены вести хозяйство, а мои мечты называют блажью. К тому же все претенденты, которых матушка и тётушка настойчиво мне предлагают, скучные и унылые, как ноябрьский понедельник. С ними же поговорить не о чем! Зато спеси в них хоть отбавляй! Пф, потомственные аристократы без капли дара!

Вынырнула я недалеко от отдела с ароматами. Оправила платье, поправила причёску, затравленно огляделась на всякий случай, но опасность миновала. Глупо считать, что тётушка Мэйбл, угрожающе размахивая фазаньим чучелом, кинется в погоню.

Зато вдалеке я заметила Бекендорфа, который любезничал с юной нимфой, стоящей за прилавком с духами. Он тоже меня заметил, кивнул головой, показывая, в какую сторону пойдёт.

— Шустрый какой, — буркнула я, отходя в противоположную часть выставки, — когда успел обогнать?

Я ходила от прилавка к прилавку, расспрашивая смуглых торговцев в цветастых тюрбанах о нужном аромате. Они расторопно вытаскивали склянки, открывали коробочки, развязывали мешочки. Я нюхала и отрицательно качала головой.

Всё было не то.

Апельсин, ваниль, корица, пачули, фиалки, тубероза, лилия, жасмин, лаванда, снова апельсин... В промежутках между ароматами, я освобождала чувствительность носа с помощью зёрен кофе. Вскоре, смешалось всё: аромат розы – кофе – апельсин и корица – кофе...

Голова кругом шла, но нужного запаха так и не нашлось.

Неужели я ошиблась и это не духи? Что тогда?

— Юная леди ищет что-то особенное?

Занятая мыслями, я не заметила, что оказалась в самом дальнем углу выставки. За небольшим прилавком стоял смуглый торговец с белым платком на голове. Платок держался за счёт тонкого металлического ободка. Чёткие, словно выточенные из дерева, черты лица торговца светились приветливостью и желанием угодить.

— Наверное, — я подошла к прилавку даже не надеясь

на удачу,— моя подруга купила на выставке чудные духи с ароматом лемонграсса и лёгкой горечью. Хочу такие же, но нигде не нахожу.

— Замечательный выбор, — расплылся торговец в улыбку, но его глаза под смоляными бровями странно прищурились, — лемонграсс и японская хризантема... секунду, мисс.

Торговец нырнул под прилавок, вытащил инкрустированный слоновой костью сундучок и раскрыл его.

— Мисс Честер, вы закончили?

Я обернулась на голос. Бекендорф, размахивая тростью, шёл ко мне. Судя по его задумчивому лицу, он тоже ничего не нашёл.

— Алисия, деточка, вот ты где! — с противоположной стороны подходила сердитая тётушка Мэйбл с не менее сердитым чучелом фазана на ядовито зелёной шляпке.

Чёрт, просила же Бекендорфа ждать меня возле мобиля!

— Можно поторопиться?! — повернулась к торговцу, — или вам нечего...

В лицо мне полетело облачко лёгкой пудры, которое я тут же вдохнула. В ушах зазвенело.

— Мисс Честер! — издалека донёсся крик Бекендорфа, — стоять, мерзавец!

Глава 8

Глава 8

Всё происходило как во сне. Торговец плавно увернулся от ме-ежденно летящей в него трости, зловеще осклабил-ся в улыбке, очень медленно повернулся вокруг своей оси, взмахнул рукой и исчез в облаке дыма, пронизанного яркими вспышками. Под равномерный «дум-дум» в ушах я равнодушно смотрела, как Бекендорф ме-ежденно перепрыгивает через прилавок, ныряет в дымовую завесу и исчезает в ней.

Меня закачало как на волнах. Хорошо-то как! Благостно! Я качаюсь на маленькой лодочке, посреди голубого озера...пахнет цветущими магнолиями, звонко поют птицы. Глаза сами собой прикрылись и я блаженно улыбнулась! Красота, тёплый юг. Надоел уже сырой Лондон.

Лодочка вдруг сильно закачалась. Я испуганно раскрыла глаза. С гулким «булд» вернулись звуки, смывая навеванную иллюзию. В уши ударил истеричный крик.

— Алисия, деточка! Алисия! Говорила я, доведёт тебя до беды твоё увлечение!

Тётушка Мэйбл вцепилась в меня и трясла так, что я едва на ногах стояла. Так это она меня качала! А мне казалось, что лодочка... жаль.

Я повернулась, пригляделась и закатилась в хохоте. До-

стопочтенный фазан на тётушкиной шляпе оброс ярким пером, обзавёлся загнутым клювом и теперь важно кивал набитой опилками головой, приговаривая:

— Пиастр-ры! Пиастр-ры!

— Тётушка, — я никак не могла унять хохот, — у вас ...ой, не могу! У вас попугай на шляпке! Говорящий! Вы благородный корсар на службе Короны, тётушка Мэйбл? А у вас есть корсарский патент? Покажите? Ну, пожалуйста!

Тётушка отпрянула, прищурилась и презрительно бросила.

— Алисия, побойся Бога! Что ты мелешь? Какие корсары, какие патенты? Ты белены объелась?

На правом глазу тётушки внезапно появилась чёрная повязка с изображением Весёлого Роджера. Я ткнула в неё пальцем и укоризненно предъявила:

— Лгать не хорошо, тётушка Мэйбл! Вы же сами меня этому учили! — я внушительно пригрозила тётушке пальцем.

— Алисия! — по лицу тётушки пошли красные пятна, которые очень удачно гармонировали с чёрной повязкой. Она выдохнула и прошипела, — Алисия Честер! Вы не в себе!

— Я в себе! — для надёжности я ткнула в себя пальцем, — вот, поглядите!

Меня разбирал смех. Стоило взглянуть по сторонам, как из тканей высовывались чудесные лианы, моментально оплетающие стойки навесов. Из-под прилавков выскакивали неведомые животные и бросались врассыпную по террито-

рии Хрустального Дворца. Мимо проходящие господа внезапно лишались своих строгих цилиндров. На их напомаженных головах вырастали яркие перья, усы начинали тянуться в длину и закручиваться в нарядные спиральки. Дамы обзавелись пышными павлиньими хвостами, которые волочились за ними раскрытыми веерами, и маленькими зверьками на плечах. Зверьки походили на обезьянок, но глаза у них были размером с чайное блюдце!

Вокруг царила форменная феерия!

В которую вмешался спокойный голос Бекендорфа.

— Мисс Честер, вы в порядке?

Я обернулась на голос. Бекендорф стоял в двух шагах от меня. Вид у него был привычно-напыщенный, только вокруг его силуэта весело выплясывали мерцающие точки.

— Ой! — я протянула руку, чтобы потрогать яркую точку-искорку, но та легко от меня сбежала. Я обиженно надула губы, — мистер Бекендорф, приструните свои искорки.

— Что, простите?

— Искорки, — я добавила таинственным шёпотом, делая шаг к сыщику, — вокруг вас кружатся-кружатся...хочу потрогать!

— Алисия Честер, прекратите приставать к молодому человеку! — взвизгнула тётушка-корсар, перехватывая мою руку, — ваше поведение недостойно молодой леди!

Я фыркнула, стряхивая тётушку с руки. Но не тут-то было. Хватка у моей тётки была железная. Корсар, как никак!

— Это не молодой человек, — важно пояснила я, отцепляя пальцы тётушки по одному, — это королевский сыщик и отчаянный сноб, Кристиан Бекендорф! А это моя тётушка-корсар Мэйбл и её попугай! Вот!

Я победоносно стряхнула тётушку с руки и вернулась к искоркам, которые так и продолжали крутиться вокруг сыщика.

За спиной что-то неразборчиво бормотала возмущённая тётушка-корсар, Бекендорф ей вежливо отвечал, им обоим вторил попугай со своими пиастрами, а я хватала рукой искорки, но те не желали хвататься, перебегая с места на место.

— Мисс Честер, — Бекендорф перехватил мою кисть, — взгляните на меня, пожалуйста.

Его голос звучал непривычно мягко. Я вскинула взгляд.

— Ой, мистер Бекендорф, я говорила вам, что вы очень миловидны? – расплылась я в улыбке, — нет, не говорила! Досадное упущение. Говорю сейчас! Вы душка, только характер не очень... Можно я потрогаю ваши ресницы? Они такие пуши-истые...

Я потянулась к Бекендорфу, но он, мило улыбнувшись, уклонился и ласково спросил:

— Я позволю вам потрогать мои ресницы, но и вы позвольте мне кое-что. Одну мелочь.

— Что? А впрочем, позволяю, — легкомысленно согласилась я. Уж очень манили меня его глаза. Такие небесно-синие...

Бекендорф, не дожидаясь повторного предложения, обхватил моё лицо ладонями, а потом медленно провёл большим пальцем по губам.

Позади испуганно-заполошно вскрикнула тётушка.

— Щекотно! – поёжилась я.

Бекендорф, не переставая мило улыбаться, отпустил моё лицо, поднёс палец ко рту и облизнул. Тот самый палец, которым трогал мои губы!

— Вы что это делаете?— задумчиво протянула я, а потом насупилась, — вы мне обещали, что я потрогаю ваши ресницы...

— Молодой человек! – рядом возникла тётушка Мэйбл и раскудаhtалась, — вы, что себе позволяете? Это...это... возмутительно!

— Пробуждение, — нахмурился Бекендорф, — гадкая смесь. Миссис Мэйбл...

— Попрошу! Я мисс! Мисс Лестер для вас! – гордо ответила тётушка.

— Мисс Лестер, прекратите кричать и привлекать внимание. Люди и так уже оглядываются, — жёстко заговорила Бекендорф, — сомневаюсь, что это внимание необходимо мисс Честер. Ваша племянница находится под действием заклятия под названием «пробуждение». Она сейчас в грёзах, не отдаёт отчёта своим действиям и почти ничего не понимает...

Тётушка сдавленно ахнула, хватаясь за сердце. Паникёр-

ша, пф! Я вмешалась.

— Чего это я не понимаю? Всё понимаю. А вы лжец, мистер Бекендорф. Обещали...

Королевский сыщик расплылся в улыбке, подхватил меня под руку.

— Обещал, значит, выполняю! Но позже. Давайте пройдем к мобиле, там более располагающая обстановка. — он повернулся к тетушке, — мисс Лестер, помогите. Нужно срочно увести мисс Честер в безопасное место, пока её состояние не начало ухудшаться. Действие эйфории закончится не ранее, чем через пару часов.

— Я не желаю уводиться! Посмотрите, — добавила я шёпотом, — видите того господина в оранжевом сюртуке и кургузом котелке?

Бекендорф проследил за моим перстом указующим и хмыкнул.

— Вижу. Это старший инспектор Перкенсон, прибыл по моему вызову. Поздоровайтесь, мисс Честер.

— Да-а? я его и не узнала совсем... господин старший инспектор, рада вас видеть. А зачем вы напялили на себя такую странную одежду?

Перкенсон ещё и двигался странно. Подходил как краб, бочком, косился в сторону и не желал смотреть на Бекендорфа.

— Мисс Честер, — буркнул он, — я ведь отвёз вас... эм..

— Я возвратилась и веду расследование! — торжественно

сообщила я Перкенсону.

— Мистер Бекендорф, — начал Перкенсон, но королевский сыщик его прервал.

— Все объяснения после, мистер Перкенсон. Сейчас вы оцепляете данный пункт, вставляете охрану и никого не подпускаете к лавке. Я должен отвезти мисс Честер домой, — Бекендорф так зыркнул на Перкенсона, что господин старший инспектор уменьшился в размерах, — вас ждёт выговор, мистер Перкенсон.

Старший инспектор крикнул что-то неразборчивое.

— Какой суровый! – фыркнула я и махнула рукой в очередной бесплодной погоне за искорками.

— Мисс Лестер, помогайте, — Бекендорф перевёл взгляд на мою тётушку.

— Конечно, конечно, — страдающая тётушка Мэйбл подхватила меня под вторую руку. Попугай на её шляпке злобно взвыл свою коронную фразу: «Пиастры»!

Вдвоём они буквально вынесли меня из Хрустального Дворца, как бы я не протестовала. Там было столько интересного, а меня этого лишали!

Деспоты!

На улице волшебным образом закатывалось солнце, окружённое туманом. Я замерла на месте и невольно залюбовалась зелёным светиллом.

— Какой необычный свет у солнца сегодня. Не находите, мистер Бекендорф?

Сыщик вяло кивнул, огляделся по сторонам и выдал несусветное.

— Мисс Лестер. Надо торопиться. Поверьте, я делаю это не с целью оскорбления, руководствуюсь только здравым смыслом и заботой о чести юной леди. Тем более, — Бекендорф окинул меня хмурым взглядом, — в произошедшем отчасти есть и моя вина. Не следовало отпускать мисс Честер от себя.

— Что вы хотите сделать? — застонала тётушка-корсар, а я хихикнула. На гордо вздёрнутом подбородке Мэйбл начала пробиваться рыжая борода.

— Только это, — ответил Бекендорф и подхватил меня на руки.

— Эй! — закричала я, когда мои ноги потеряли опору.

— Я дам вам потрогать ресницы, — процедил Бекендорф на ходу.

— О! Вы держите слово, — восхитилась я, успокаиваясь. Зачем нервничать и переживать, если можно спокойно насладиться видом закатного неба, а в промежутках посматривать, как семенит, прихрамывая, тётушка Мэйбл. Интересно, отчего она внезапно захромала? А, точно! Деревянная нога...

Бекендорф осторожно усадил меня на заднее сиденье машины.

— О, мои кремовые крошки, — я нежно погладила коробку с пирожными, — злой сыщик не обижал вас, пока ме-

ня не было?

Пирожные молчали, только загадочно шебуршали под картонной крышкой. Зато Мэйбл начала причитать.

— Господи, мистер Бекендорф! Что делать?

— Ничего, вызовите доктора. Он разберётся, — сыщик присел на корточки перед открытой дверью, нежно мне улыбнулся и протянул руку, — мисс Честер, позвольте вашу руку?

— Ох! Конечно!

Бекендорф взял протянутую ладонь, перевернул её тыльной стороной вниз, положил сверху свою руку и, проникновенно глядя мне в глаза, приказал:

— Спать!

— Я не хочу! – воспротивилась я.

Но, независимо от моего желания, по коже ладони побежало тепло, пробралось вверх и окутало сонным маревом. Я зевнула. Глаза сами собой закрылись. Звуки стали затихать. Краем сознания я уловила встревоженное аханье Мэйбл и жёсткий голос Бекендорфа. Только слов разобрать не смогла. А, впрочем, какая разница, что они говорят, если ко мне на встречу несутся загадочные животные, а ими управляет лохматая Агата...не потерялась! Живая!

— Агата, — проямлила я, проваливаясь в сон.

Глава 9

Глава 9

Кристиан Бекендорф

Девушка крепко спала на заднем сиденье. Кристиан защёлкнул на ней ремень безопасности, поправил её юбки и аккуратно захлопнул дверь.

— Мистер Бекендорф, — рядом с мобилем стояла беспокойная мисс Лестер, — куда вы её повезёте?

Кристиан обошёл мобиль и распахнул дверь пассажирского сиденья.

— Куда скажете, мисс Лестер.

— Ох, это так неудобно! Мы и так слишком обременяем вас своими проблемами, а теперь ещё и как извозчика используем!

— Никаких сложностей, мисс Лестер. Прошу, — сыщик услужливо протянул руку.

— Вы слишком добры к нам, — продолжила протестовать тётушка, однако решительно опёрлась на предложенную руку и резво влезла в салон мобиля.

Кристиан дождался пока тётушка справится с чучелом фазана на ядовито-зелёной шляпке, захлопнул дверь и сел на водительское сиденье. Мисс Лестер продолжала сражаться с фазаном, который упёрся в потолок мобиля и никак не давал почтенной леди устроиться на месте.

— Прошу прощения, мисс Лестер, — просипел Кристиан, когда леди, разбушевавшись в борьбе с модным изыском, вонзила острый локоть ему в бок, — может вы снимите свою замечательную шляпку? Поверьте, никто не узнает, что вы нарушаете приличия. Я буду нем, как рыба.

Почтенная леди окинула сыщика презрительным взглядом, попыталась гордо вздёрнуть подбородок, но этому помешала шляпа. Точнее украшение на ней. Раздался зловещий скрип, леди замерла и медленно развязала завязки под подбородком. Через секунду шляпа, вместе со слегка скривившимся фазаном и изрядно помятыми перьями, лежала на коленях гордой женщины.

— Простите. Я оплачу ремонт, — мисс Лестер уставилась перед собой и чопорно поджала тонкие губы.

— Не стоит беспокоиться, — отозвался Кристиан, разглядывая зловещую царапину на обшивке мобиля, — мисс Честер говорила, что живёт за мостом. Назовите адрес.

— Честервилль, мистер Бекендорф. Усадьба Честервилль.

Мобиль мягко тронулся с места. Некоторое время в салоне царил молчание, нарушаемое только тяжёлыми вздохами почтенной леди. Наконец, она не выдержала и прозвучал вопрос, который не давал ей покоя с самого начала.

— Мистер Бекендорф, как вы познакомились с Алисией? Что вас связывает?

— Служба, мисс Лестер.

— Хм, я что-то не припомню, чтобы в седьмом округе работали такие молодые и благородные офицеры, мистер Бекендорф.

— Назначен буквально сегодня утром министром Робертом Пилем, мэм, — не отрывая взгляда от дороги, ответил Кристиан, — теперь я глава полицейского отделения седьмого округа Лондона.

Удовлетворённая чёткими ответами молодого мужчины, тётушка Мэйбл замолчала на несколько минут, но молчание угнетало почтенную леди.

— Мистер Бекендорф, вы можете объяснить, что за заклятие наложили на Алисию? И когда успели?

Королевский сыщик ответил после некоторого раздумья.

— Торговец, мэм. Торговец ароматами. Накладывается это заклятие в мгновение ока с помощью подготовленной смеси относительно безобидных веществ, мисс Лестер. Пудра, которую все леди Лондона используют, чтобы стать красивее, смешивается с пылью златоцвета и порошком перламутра, полученным из морских ракушек.

— Тех, из которых делают пуговицы? — ахнула леди.

— Всё верно. Безобидная смесь меняет свои свойства под воздействием определённого заклятия, становясь проклятием.

— О, боже!

— Не переживайте, мисс Лестер, эффект у заклятия недолгий, а грамотный доктор легко устранил все послед-

ствия. У вас ведь есть семейный врач?

— Разумеется, — надменно фыркнула леди, — доктор Декстер.

— Вот и отлично, — хмуро кивнул Бекендорф, — позвольте встречный вопрос, мисс Лестер.

— Конечно.

— Ваша племянница перенесла шаманскую болезнь?

Леди издала шипение, полное негодования, такое громкое, что Кристиан на секунду решил, что проткнута шина мобиля.

— Как вы могли такое предположить, мистер Бекендорф! — всплеснула руками задетая за живое тётушка, — подобной...гадостью не страдал никто из нашей Семьи! Мы слишком благородны и чисты для этого! Никого из нас не коснулась мерзкая магия!

— Простите, если оскорбил вас, — спокойно ответил сыщик, — я не хотел этого.

Тётушка Мэйбл несколько мгновений буравила сыщика гневным взглядом, а потом внезапно прищурилась и сменила гнев на милость.

— Алисия всегда была такой непоседой, просто ужас! — запричитала мисс Лестер, — вот и сейчас, вопреки воле матери, она пошла на службу, хотя ей предлагали и продолжают предлагать очень выгодные партии. Повлияйте на неё, мистер Бекендорф! Я знаю, вы можете, ведь вы теперь её начальник! Увольте её! Пусть займётся тем, что положено при-

личной девушке её происхождения! Выйдет замуж, займётся домом. В конце концов, она не обязана рисковать жизнью, бегая за преступниками по грязным подворотням Лондона! Мы не для того её растили и лелеяли! Она нежный цветок, нуждающийся в тепле и уходе, а выбранный путь просто уничтожит нашу бедную глупую девочку.

Мисс Лестер очень натурально всхлипнула. Кристиан профессионально угадал фальшивые нотки в голосе почтенной леди, но предпочёл сделать вид, что ничего не заметил.

— Вы напрасно порицаете выбор своей племянницы, мисс Лестер. Она достойно показала себя на службе. Благодаря мисс Честер, мы сегодня вышли на след преступника, обзавелись новыми уликами и достаточно далеко продвинулись в расследовании, которое несколько недель не сдвигалось с места.

— Это всё случайность, — хмыкнула почтенная леди и вкрадчиво добавила, — вы выполните мою просьбу, мистер Бекендорф?

— Нет. Я не могу потерять такого ценного сотрудника.

— Очень жаль. Я была о вас лучшего мнения, мистер Бекендорф, — негодуяще прошипела мисс Лестер и отвернулась, всем видом показывая, что разочарована в сыщике.

Кристиана только улыбнулся в ответ на неприкрытую обиду почтенной леди. Ещё утром, когда только увидел бойкую блондинку на месте преступления, он не задумываясь выполнил бы просьбу, прозвучавшую в мобиле. Но теперь всё

изменилось.

Сыщик не сказал всей правды о заклятии «пробуждения». Смесь вместе с заклятием была разработана в подвалах Тайной Канцелярии и служила для достижения совершенно определённых целей. Пробуждение выявляло новообращённых магов, перенёсших шаманскую болезнь. Маги впадали в состояние лёгкого веселья, теряли способность к сопротивлению, легко поддавались уговорам служащих Канцелярии и уходили вместе с ними.

Но убийственно сильно, вплоть до мощных галлюцинаций, пробуждение действовало на два вида магов. Магов, внесённых в реестр запретных видов магической деятельности – метаморфов и вызывателей демона-лиса.

В том, что мисс Честер солгала о наличии силы, Кристиан был уверен сразу, слова тётушки только подтвердили версию сыщика. Никто из близких не знал о шаманской болезни Алисии. Скорее всего она была либо одной из первых, перенёсших болезнь, либо переболела скрытно. Такие случаи тоже встречались, хоть и редко.

Но ни это беспокоило Кристиана. Его волновали другие вопросы. Кем была бойкая блондинка: метаморфом или вызывателем коккури? И как заклятие, которое известно единицам, оказалось в руках преступника?

По-хорошему, следовало сдать мисс Честер в руки служащих Тайной Канцелярии. Так гласила инструкция. Но Кристиан, закрыв глаза на чёткие предписания, решил скрыть

факт выявления опасного мага. Почему? Он и сам не совсем понимал, но быстро нашёл себе оправдание.

Торговец, который применил «пробуждение» действовал наверняка, а значит, он знал Алисию Честер и, как минимум, подозревал о её маленьком секрете. В противном случае, торговец бы не распылил пудру в лицо девушке, да ещё и на глазах сыщика. Чего ему стоило просто ответить отказом на вопрос следователя, как это сделали другие? Но он выбрал иной путь.

Что это было? Провокация? Попытка повлиять на ход следствия? Или преступник желает быть найденным, чтобы похвалиться собственными достижениями?

Непонятно и то, для чего ему понадобилось проявлять мисс Честер. Хочет, чтобы юная леди исчезла, чтобы перестала вмешиваться в ход расследования? Дважды непонятно.

В любом случае, глаз с Алисии Честер спускать нельзя. Поэтому просьбы мисс Лестер, такие созвучные утренним желаниям сыщика, пришлось отклонить.

Вечерний туман медленно пожирал Лондонский мост. Мобиль ловко обошёл спешащий омнибус и скрылся под плотным туманным пологом.

Алисия Честер

Мы всё куда-то ехали, ехали, ехали... Агата загадочно улыбалась, манила меня рукой и внезапно растаяла в туманном воздухе. Куда мы ехали, куда делась Агата?!

Вопрос-сон выкинул меня в реальность.

— Куда они все ехали?! – я раскрыла глаза и подскочила.

Меня окружали стены родной спальни. В окна, сквозь неплотно задёрнутые шторы, пробивался яркий луч солнца. Обычный, жёлтый, а не как накануне – травянисто-свежий. Воспоминания насмешливой волной накрыли меня и я застонала, захлебнувшись в стыде.

— Мисс Честер? Что-то беспокоит?

Рядом возник слегка помятый доктор Декстер. Как всегда, ответственный доктор не отходил от моей постели всю ночь и явно провёл её без сна. Он взял меня за руку, положил пальцы на запястье и достал часы.

— Доктор?

— Пульс отличный, — кивнул доктор Декстер, — будьте умницей, покажите язык...да, вот так. Скажите «А-а-а»...великолепно. Теперь следите за палочкой, не отрывайте взгляд...хм, без патологий. И ещё немного. Сколько пальцев я показываю?

Доктор вытянул вперёд руку и загнул три пальца, оставив на свободе указательный и средний.

— Два, доктор Декстер.

— У меня не растут рога? Хвост или ещё что-нибудь? – серьёзно спросил доктор, внимательно глядя на меня.

Бездна мрака! Доктор явно считает, что я не в себе. Я вздохнула и ответила:

— Нет, доктор. Вы выглядите как обычно великолепно.

Рога, хвосты и павлиньи перья на вас не растут.

— Это радует, — бодро улыбнулся доктор Декстер и присел на краешек кровати, — вы помните, что с вами произошло?

Я снова застонала и спрятала в ладонях лицо, полыхающее от стыда.

— Значит, помните. Не вините себя, мисс Честер. Это наваждение навеяно заклятием.

Доктор говорил и говорил, я внимательно слушала и понимала, что в моей жизни случилась катастрофа. К стыду примешался страх, который холодными волнами проходил по моему нутру, пока полностью не вытеснил стыд. Я нервно облизнула губу.

— Доктор Декстер, что теперь будет?

— Не знаю, Алисия, — помрачнел доктор, — во всяком случае, мистер Бекендорф ещё не появлялся, а когда привёз вас вчера, действовал тактично и вежливо, ни словом не обмолвившись, что вас надлежит изолировать. Он произвёл большое впечатление на вашу матушку.

— Ещё бы, — вяло согласилась я, — красив, молод, достойная должность...наверное, я теперь лишусь места.

— Не могу знать, мисс Честер. Боюсь, ни это теперь важно, а то, что ждать дальше. Как вы понимаете, утаивание магических способностей ничем хорошим не грозит. Минимум, вас возьмут под надзор, чтобы в дальнейшем найти применение вашим способностям на ниве служения Короне.

Кстати, что за дар у вас открылся?

Как же я боялась этого вопроса, надеялась, что он не прозвучит, но это была пустая надежда. Я скрывала свой дар ото всех, даже от доктора, который прикрыл мою шаманскую болезнь, зная, как отнесётся к этому моя семья. А теперь, хочешь ни хочешь, но придётся признаться. Может, доктор даст дельный совет, а может, отправит меня в лапы Тайной Канцелярии. Впрочем, мне больше некому довериться.

— Дар...

Дверь распахнулась, впуская мою матушку. Доктор незаметно приложил палец к губам, поднялся с кровати и приветственно поклонился леди Льюис Честер, носящей в девичестве имя Амалия Лестер.

Свежая ещё, не считая нескольких седых прядей в густой копне волос и парочки морщин, леди Честер промчалась по комнате, благоухая сандалом и распространяя вокруг флюиды кипучей деятельности, подлетела к доктору и сжала его ладони.

— Доктор, скажите, моя дочь не утратила разум?

— Доброе утро, мамочка, — вяло улыбнулась я, — ты можешь спросить это у меня.

Матушка кинула на меня сердитый взгляд и снова перевела его на доктора.

— Не утратила, миссис Честер. Алисия совершенно здорова.

— Какое счастье! – матушка отцепилась от доктора, кар-

тинно заломила руки и только тогда удостоила вниманием меня. В её голос вплелись ласковые нотки, отвратительно сладкие, как густая патока, — милая, я так волновалась! Мэйбл рассказала, как на тебя напал торговец и ты... хм... слегка лишилась разума.

— Это часть моей работы, матушка, — покорно ответила я, — но постараюсь впредь не сталкиваться с подобного рода преступниками.

— Естественно, — прошипела матушка, но тут же взяла себя в руки, — с сегодняшнего дня ты там больше не стажирешься. Я отправила письмо кому следует.

— Нет!

— Никаких пререканий! — отрезала матушка, — раз ты здорова, приведи себя в порядок и спускайся к завтраку.

— Как прикажете, — покорно ответила я, судорожно ища способ перехватить письмо матушки.

Отправила, это громко сказано. Письма от нас уходят в полдень, а сейчас, судя по лучам солнца, не ранее девяти часов. Нужно успеть выиграть время, не вступая в открытую конфронтацию с упрямой леди Честер. Эх, если бы отец был дома...

— Доктор Декстер, вы ведь составите нам компанию за завтраком? — нежно заворковала леди Честер.

— С удовольствием, миссис Честер, — улыбнулся доктор и незаметно подмигнул мне, уходя следом за матушкой.

Приободрить пытался.

Леди Честер превыше всего всегда ценила соблюдение внешних приличий и отчаянно пользовалась родительским правом. А оно гласило — пока дочь не вышла замуж, её судьбу решают родители. Отец всегда шёл мне на встречу, а вот матушка...лучше не вспоминать.

В комнату степенно вошла матушкина горничная — Мэри. Немногословная, строгая, исполнительная. Матушка решила ограничить мне связь с миром, заменив даже мою болтливую хохотушку горничную на своего цепного пса.

— Отвратительное утро, — вздохнула я, вылезая из-под одеяла.

Глава 10

Глава 10

Старинную столовую поместья Честервилль заливало утреннее солнце. Оно играло на позолоте потолочной лепнины, отражалось от столового серебра и путалось в пышных кустах цветущего гибискуса в горшках. Матушка являлась ярой поклонницей этой безумной розы, которая меняла оттенков в зависимости от времени суток. Утром цветки гибискуса сияли чистой белизной, а к вечеру становились нежно розовыми.

Изменчивый характер матушки был под стать её любимому цветку.

Утром она чаще всего была бодра и весела, а к вечеру могла впасть в состояние лихорадочного возбуждения и тогда головы с плеч долой!

С самого детства мне приходилось подстраиваться под меняющийся характер леди Амалии Честер. Кипучая энергия, которая не находила иного выхода, кроме как через тиранию близких, мешала жить не только нам с отцом, но и самой матушке.

Она, радикальный приверженец старых правил, не решалась нарушить заведённый издавна ритуал жизни замужней женщины. Всё в нашем доме строго подчинялось ему. Как правильно говорить и ходить; сколько чашек чая положено

выпить на пятичасовое чаепитие, затесавшееся между обедом и ланчем и прочее, прочее, прочее...

Когда отец был дома, строгие правила начинали трещать по швам. Дышать становилось легче, тяжёлые оковы ограничений спадали со скованных ног и рук.

Но отец, по воле Короны, очень часто отсутствовал, из-за чего мы с матушкой находились в постоянной конфронтации. А если ещё присоединялась тётушка Мэйбл... об этом лучше не говорить!

Матушка презрительно смотрела на изменяющийся на глазах мир и люто презирала магию. Осуждению подвергались и современные вольности, которые стали доступны дамам всех сословий.

Хотя, если бы она могла отпустить впитанные с молоком матери условности, то стала бы намного счастливее.

— Алисия, — матушка послала мне полный любви взгляд, однако я чётко разглядела в нём нотки неудовольствия, — прекрасно выглядишь. Немного бледна, но, думаю, хороший завтрак и помощь мне в оранжерее придадут тебе сил и вернут румянец на твои щёки.

Я опустила в приветственном книксене и молча прошла к своему месту. Доктор Декстер послал мне ободряющий взгляд. Больше за столом никого не было. Странно, я думала, без тётушки Мэйбл сегодня не обойдётся.

— Что ж, все в сборе. Можно приступать. Мэри! — позвала матушка и звякнула в серебряный колокольчик.

Вымуштрованные горничные, под надзором строгой Мэри, внесли завтрак. Передо мной опустилась тарелка со склизкой овсянкой, которую я ненавидела с детства, двумя ломтиками бекона и пучеглазой яичницей.

— Вознесём благодарственную молитву, — приказала матушка.

Я послушно сложила руки и закрыла глаза. Молиться не получалось. Мешали тревожные мысли. Что теперь будет? Бекендорф, будучи королевским служащим, ни за что не утаит информацию о потенциальном маге. Значит, не позднее сегодняшнего полудня, за мной явится Тайная Канцелярия. Дар придётся показать.

Господи, матушка не перенесёт такого огорчения и сляжет. Надо будет попросить доктора Декстера задержаться в поместье. Во избежание, так сказать.

А что будет со мной? Коккури под запретом, а значит и я. Меня запрут в казематах Тайной Канцелярии? Страшно...

Загремели приборы, значит молитва закончилась. Я машинально взялась за еду, совершенно не чувствуя её вкуса. Письмо, написанное матушкой, уже лежало у меня под корсажем, но что это меняло, если вызывателя коккури надлежит изолировать от общества?

Может, сбежать, пока не поздно?

Эта мысль неожиданно придала мне сил. Я налегла на завтрак, краем уха слушая неторопливую беседу матушки и доктора. Они болтали о пустяках. Хм, неужели вчерашнюю

газету так и не доставили в Честервилль? Повезло, ничего не скажешь!

Мысли потекли ровнее, перекинулись на вчерашний день, и я вернулась к собранным уликам. Кристаллы, мобили, чемоданы, крылья... всё мелькало перед моим внутренним взором, пока не вернулась утренняя мысль.

Куда все эти женщины ехали?

Я замерла, недонеся чашки до рта, и уставилась перед собой невидящим взглядом.

Все три леди с одинаковым набором вещей выезжали куда-то в одно и то же время. Утренние часы, примерно с шести до восьми часов. Их мобили каждый раз находили простые рабочие: первый – дворник, второй – трубочист и третий – снова дворник. Каждый раз фигурирует малопроезжий переулок, который, однако, упирается обоими концами в людные улицы.

Хм...

Куда они ехали или, правильнее предположить, бежали? Из этого вытекает следующий вопрос – знали ли эти леди друг друга?

— Милая? С тобой всё в порядке? – вклинился сладкий голос матушки в мои раздумья.

— Да, всё отлично, — мгновенно отозвалась я, отмерла и глотнула остывшего чая, — раздумываю о преступлениях, которые сейчас расследуем.

Матушка строго вскинула брови, одарила меня тяжёлым

взглядом и, нервно откидывая салфетку в сторону, жёстко отрезала.

— Забудь. Ты там больше не работаешь! Ты теперь из дому носу не высунешь!

Холод матушкиного голоса мог заморозить весь Лондон, но у меня уже давно выработался иммунитет. Я гордо вздёрнула подбородок, смело взглянула ей в глаза и только открыла рот, чтобы начать протестовать, как по столовой разнёсся знакомый равнодушный баритон.

— Позвольте не согласиться с вами, леди Честер. Ваша дочь немедленно отправится со мной в Лондон.

К столу шёл Бекендорф, держа в руках свёрнутую бумагу. У дверей застыли два незнакомых мне констебля.

Сердце гулко ухнуло, проваливаясь в тёмную яму. Вот и всё. Доигралась Алисия Честер, теперь тебя увезут в мрачные казематы Канцелярии. Я молча поднялась навстречу судьбе. Не дело дрожать под столом, как испуганный заяц. Леди надлежит гордо встречать любой вызов.

Матушку только жалко. И отца. Ему будет тяжелее...

Бекендорф остановился, не дойдя до стола пары шагов, склонился в почтительном поклоне.

— Доброе утро, леди Честер. Прошу прощения за вторжение, но я вынужден был явиться в этот ранний час.

Матушка, недовольная тем, что посторонний стал свидетелем семейных распрей, но сохраняя присущее ей хладнокровие, окинула сыщика ледяным взглядом.

— И что привело вас сюда?

— Исключительно дела службы. Я прибыл за вашей дочерью, мисс Алисией Честер.

За столом воцарилось гробовое молчание. Доктор Декстер метал встревоженные взгляды то на меня, то на Бекендорфа. Матушка сидела ровно, ни единым движением мишки не выдавая того, что происходит у неё на душе. А я просто ждала, наслаждаясь последними секундами свободы. Ждала, когда из уст королевского сыщика прозвучит обвинение, которое разрушит не только мою жизнь, но и жизнь всего семейства Честер.

— Мистер Бекендорф, — поднялся доктор, откинул салфетку и мягко улыбнулся, — я не думаю, что мисс Честер находится в хорошем состоянии здоровья. Она ещё не достаточно оправилась после вчерашнего... хм... инцидента, чтобы покидать дом. Требуется некоторое время...

— Я рад, доктор, что вы так печётесь о здоровье своей подопечной, — холодно ответил Бекендорф, глядя на Декстера свысока, — но, думаю, вы лукавите.

— Я?!

— Вы. На мой взгляд мисс Честер выглядит более, чем великолепно. Она способна не только выйти из дома, но и перенести дорогу.

— Доктор Декстер, право не надо за меня вступаться, — наконец заговорила я, — вы правы, мистер Бекендорф. От болезни не осталось и следа. Я готова ехать. Дадите мне ми-

нутку для сборов?

— Разумеется, мисс Честер. Я подожду.

Странно, что когда случилось то, чего я боялась больше всего на свете, страх отступил. Внезапно стало легко, словно с души свалился громадный камень. Иногда, когда я осмеливалась здраво посмотреть на свой дар, мне представлялось, что я непременно свалюсь в обморок или устрою истерику, или ещё как-то покажу слабость. Казематы Тайной Канцелярии пугали до дрожи, но теперь я спокойно шла, не испытывая и капли страха. Даже ноги не дрожали.

— Алисия, ты никуда не поедешь! – матушка преградила мне путь, — я запрещаю! Пора прекратить это вольнодумство!

Матушка, матушка... знала бы ты, что на самом деле скрывает твоя дочь. Жалость, смешанная с густой виной и детской любовью, захлестнула моё сердце. Я протянула руки и крепко сжала изящные ладони матушки.

— Матушка, не стоит устраивать сцен. Мы должны подчиниться слову закона. Наверное, стоило раньше тебе всё рассказать. Я не должна была это скрывать от тебя, от семьи, но я боялась. Боялась причинить тебе боль.

— Ты боялась за меня?! В чём дело, Алисия? — встревожилась матушка, — что происходит?

Крепкая скорлупа выдержки дала трещину. Леди Честер интуитивно почувствовала, что происходит что-то страшное. Из-под жёсткой оболочки потомственной аристократки

выглянула любящая мать, волнующаяся за своё дитя.

У меня ком стал в горле. Я потупила взор, несколько раз вздохнула, набираясь отваги, и посмотрела в глаза матушки.

— Я...

— Вчера вечером приказом министра внутренних дел, ваша дочь, леди Честер, назначена моим личным помощником.

Равнодушный баритон Бекендорфа набатом прозвучал в тишине столовой. Реальность дрогнула и рассыпалась звонкими осколками. Я ошарашено посмотрела на сыщика.

Что всё это значит?! Не мог же он утаить мой секрет? Дело не в благородстве, а в долге королевского служащего! Бекендорф связан клятвой, а, значит, обязан был сообщить обо мне!

Или ему позволено гораздо больше, чем простым смертным? Не значит ли это, что статус Кристиана Бекендорфа гораздо выше, чем я думала?

Кто он вообще такой?!

— Что?! – нервный возглас матушки вернул меня в реальность, — как это понимать?

Скорлупа леди Честер вновь захлопнулась, спрятав все её чувства. Матушка выдернула руки и пронзила меня гневным взглядом.

— Прошу, — Бекендорф невозмутимо протянул бумаги, — ознакомьтесь.

Матушка не двинулась с места, только брезгливо смотрела на серые листы с официальными печатями. Доктор, здраво

оценив обстановку, решил вмешаться.

— Позвольте мне, леди Честер, — он поклонился матушке и повернулся к Бекендорфу, — леди немного взволнована, думаю, стоит ей помочь.

— Разумеется.

Доктор взял бумаги, вчитался, нахмурился и ответил.

— Здесь стоит подпись самого Роберта Пиля, леди Честер. Вы же понимаете уровень приказа.

— Делайте, что хотите! — сдалась матушка, возвращаясь на своё место за столом. На меня она даже не посмотрела, — у меня от таких новостей мигрень разыгралась.

— Мисс Честер, прошу вас, поторопитесь, нас ждут неотложные дела, — поторопил меня Бекендорф.

— Да, конечно, — ко мне ввернулся дар речи, — я недолго.

— Я подожду вас у мобиля, мисс Честер, — ответил мне Бекендорф, — ещё раз приношу извинения, леди Честер. За вторжение и причинённые неудобства. Доброго вам дня. Леди Честер, доктор...

Бекендорф галантно откланялся и покинул столовую. За ним вышли и констебли.

— Матушка...

— Иди. Вечером поговорим, — скупой ответила матушка, беря бокал с водой.

— Доброго дня матушка, — присела я в реверансе, — доктор...

Я послала доктору тревожный взгляд и получила ответный — полный непонимания. Доктор кивнул мне, обещая разговор, но позже, и я покинула столовую, пребывая в полной прострации.

Несколько минут назад я ступила одной ногой на эшафот и даже смирилась с этим, но теперь приговор отменён или отсрочен. А я вынуждена балансировать на лезвии ножа, что совсем не внушает спокойствия.

Переодеваясь, я думала только об одном — что задумал Бекендорф? Почему он покрывает мою тайну?

Глава 11

Глава 11

Мобиль констеблей неотрывно следовал за нами. Бекендорф молчал, глядя только на дорогу. Я читала отчёты за вчерашний день. Сыщик славно потруился, пока я валялась в забытии. Он успел опросить утешающих в скорби мужей, прислугу, и даже приходящих работников. Лишь с отцом Агаты встреча не состоялась по причине временного отсутствия полковника Говарда. Хм, уже полковник.

Да, Агата тоже была замужем. Совсем недолго, чуть меньше года. Её избранником стал представитель древнего аристократического клана – Коллин де Андрезия. Некогда великие воины, а теперь род, близко стоящий к Короне, славный прошлыми заслугами, неимоверным богатством, накопленным поколениями, и влиянием. Пожалуй, они были вторыми в Англии по древности и могуществу, уступая только правящей семье.

В словах всех опрошенных сквозила чётко ощутимая растерянность и непонимание. Но мужья явно чего-то недоговаривали. Они либо и вправду плохо знали своих жён, либо тщательно скрывали информацию, договорившись об этом заранее.

В таком случае, снимать с них подозрение ни в коем слу-

чае нельзя. Видимо, Перкенсон, оперируя своим опытом, дал правильный намёк, который вполне способен привести нас к преступнику. Возможно, вся троица замешана. Преступный сговор? Но с какой целью? В чём их выгода и каковы мотивы?

Ведь сейчас проще развестись, чем физически устранять неугодных спутниц жизни.

— Что-то нашли? – холодно поинтересовался Бекендорф, мрачно молчавший всё это время.

После того как я вышла к мобиле, готовая к аресту и казни, а оттого наполненная мрачной решимостью, Бекендорф произнёс всего две фразы. «Прошу», распахивая передо мной дверь мобиля, и «ознакомьтесь», передавая мне стопку исписанных бумаг.

— Считаю, что мужей пока рано исключать из списка подозреваемых, — чётко ответила я.

Бекендорф кивнул и вновь замолчал.

В мобиле ощутимо повысился градус напряжения. Мне никак не удавалось понять, что задумал сыщик. Он не задавал вопросов, не угрожал и не требовал немедленного признания. Но я прекрасно понимала, что Бекендорфу известен мой секрет. Если доктор с первого взгляда определил, что произошло со мной, то про королевского сыщика и говорить не надо.

Меня смущал его статус. Я ни разу не слышала, чтобы члены рода Бекендорф были связаны с полицией. В самом нача-

ле, когда магия только краешком задела наш мир, Бекендорфы оказывали помощь пострадавшим. Они выделяли огромные суммы на покупку продовольствия для голодающего населения, оставшегося без средств из-за эпидемии серой гнили. Занимались организацией лазаретов, когда людей начала косить шаманская болезнь. Создавали новые рабочие места, когда магия прочно внедрилась в наш мир, и пришёл прогресс, изменивший Англию навсегда.

Но ни разу я не встречала, чтобы кто-то из рода вышел за рамки. По-моему, у них и магов не было. В принципе, как и у многих аристократов.

Шаманская болезнь действовала избирательно, как карманник, который точно знает, у кого можно подрезать полный кошелёк, а кого надо обходить стороной, чтобы не остаться без руки.

Но Перкенсон и сержант Шенс говорили о Бекендорфе, как о человеке, который чем-то прославился. Так чего я не знаю? Что я пропустила, пока два года моталась по заграницам?

На это у меня пока не было ответа. Как и на то, что я буду делать, если Бекендорф повезёт меня в казематы Тайной Канцелярии. На худой конец вызову коккури, а там будь, что будет. Говорят, демон-лис способен не только дать ответы на заданные вопросы, но и наделить вызывателя силой.

Я всегда воспринимала своего лиса, как милую игрушку. Питомец, который как в сказках приходит и развлекает, не

причиняя вреда. Но в газетах писали, что ответы коккури не всегда правдивы, потому что демон-лис хитрец, преследующий собственные цели. А потом и вовсе прошла череда странных метаморфоз вызывателей, приведшая их к страшному концу.

Зная газетчиков, я и тогда, а тем более, сейчас, не доверяла информации, которая вгоняла население в панику. Люди читали сводки, щекотали себе нервы и начинали ненавидеть коккури. Ситуация ухудшилась, когда один из вызывателей, в которого вселился демон-лис, попытался проникнуть во дворец. Его задержали. Слухи гласили, что тогда пострадало по меньшей мере десять гвардейцев и пятнадцать полицейских, но вскоре даже слухи стихли, потому что болтунам пригрозили наказанием.

Так в чём правда? Кто его знает теперь, но от этой правды зависит моя жизнь.

Пытаясь унять беспокойство, я снова погрузилась в отчёты, сознательно остановившись на деле Агаты. Опросы молочника, садовника, горничных, кухарок и даже старика, доставляющего в поместье уголь и дрова. Ничего существенного. Я отложила очередной лист и вчиталась в следующий.

Отчёт о неизвестном торговце, которого временно нарекли «шаманом».

— Позвольте вам кое-что показать, — произнёс Бекендорф, останавливая мобиль.

— Что? – сохраняя хладнокровие, обернулась я.

— Для этого нужно выйти на улицу.

Бекендорф первый покинул мобиль, распахнул дверь с моей стороны и галантно предложил руку. Я вылезла и огляделась. Пейзаж вокруг был мне абсолютно незнаком.

Посреди зелёного поля, возле которого оканчивалась дорога, высился двухэтажный амбар.

— Что это значит? — нахмурилась я, мысленно готовясь призвать коккури.

— Нас ждёт разгадка, мисс Честер, — блеснул глазами Бекендорф, — и вы мне в этом поможете.

Констебли, стоявшие возле мобиля, перещёлкнули затворы карабинов, по укороченному стволу которых шла изящная вязь магического усиления.

Противомагическое оружие, направленное против шаманов, вышедших из повиновения.

Опасных, как вызыватели коккуури или метаморфы.

На едином вздохе я переместила вес на одну ногу, готовясь к любому исходу, развернулась к Бекендорфу и замерла в ожидании.

Справиться с огнестрельным оружием с противошаманским эффектом я не сумею. Стоит только начать действовать, как из карабинов последует залп. И не известно, кто успеет первым. Пока оружие направлено в землю, у меня ещё есть шанс на спасение. Иллюзорный, но есть.

Бекендорф прекрасно разыграл партию.

— Где мы? — задала я вопрос, глядя в упор на сыщика.

— В Уилшире, неподалёку от деревни Касл Комб, — невозмутимо ответил Бекендорф, разглядывая амбар.

Касл Комб?! Но ведь это больше сотни миль от Лондона! Невозможно! Мы не могли так быстро добраться до этого места.

— Как это возможно?

Бекендорф оторвался от амбара и перевёл хмурый взгляд на меня.

— Нам открыли проход, мисс Честер.

Столько усилий, чтобы выявить одного заклинателя?! Выбрали отдалённое и малонаселённое место, привлекли высшего мага.

Не проще ли было просто сдать меня на руки Тайной канцелярии?

Нарастающая тревога мешала мне думать, лишая привычного хладнокровия. Внутри поднималась буря сопротивления. Неужели вызыватели коккури настолько опасны?

— Вы знали, мисс Честер, что маги оставляют следы? — пристально глядя на меня, равнодушно заговорил Бекендорф.

Не в силах открыть рот, я просто покачала головой. Откуда мне знать такие подробности? В сводках и газетах это не пишут. Правонарушениями магов всегда занимается Тайная Канцелярия, дело полиции обычные преступления.

Озарение обрушилось ведром ледяной воды, возвращая собственное мне хладнокровие.

Дело о пропавших женщинах связано с магами! Поэтому к нам направили Бекендорфа!

Не надо никуда меня везти. Я уже в руках Тайной Канцелярии.

Видимо, ход моих мыслей отразился на лице, потому что Кристиан Бекендорф криво улыбнулся. В его взгляде отразилось холодное высокомерие.

— У вас быстрый ум, мисс Честер, что неудивительно, учитывая ваш статус, — пространно проговорил он, — вы всё правильно поняли.

— Наши мысли могут отличаться, — с трудом удерживая себя от необдуманных поступков, ответила я.

Мне даже не сбежать. Поле, открытое для взглядов, не поможет мне укрыться от погони.

— Что ж, вы, как всегда правы, — наглая ухмылка стала шире, — вы успели ознакомиться с отчётом о торговце?

— Нет, едва открыла, как мы остановились.

— В таком случае, я кратко передам вам информацию. Подробнее ознакомьтесь позже.

Что значит «позже ознакомлюсь»? Приговор не будет вынесен?

Бекендорф сделал шаг к полю и снова уставился на амбар.

— Подойдите, мисс Честер.

Я последовала за ним, краем глаза поглядывая на констеблей. Они стояли на месте и вид у них был довольно скучающим. Карабины по-прежнему смотрели вниз.

— Магия это энергия, а любая энергия не исчезает без следа, — заговорил Бекендорф, как только я остановилась рядом, — вчерашний торговец ароматами оказался незарегистрированным метаморфом. Об этом чётко говорит остаточная энергия, аналогов которой нет в реестрах. Когда он исчез в дыму, я отправился в погоню, но торговец уже сменил внешность и смешался с толпой. Пришлось отступить, тем более я не мог оставить вас без присмотра в таком состоянии. Вы могли пострадать.

— Вы гуманны, — холодно ответила я, уже понимая, что и в этот раз эшафот мне не грозит, — но не проще ли было сразу отследить торговца?

— Не проще. Следы так легко нельзя отследить. Требуется время и множество усилий. Поэтому мы всегда на шаг позади мага.

Бекендорф и в этот раз не стал развивать тему моего помешательства. Он наслаждался игрой со мной, как кот, который поймал мышку и теперь забавлялся, перед тем как её проглотить.

— Что мы делаем тут?

— Следы вывели нас в это место.

— И вы просто так стоите на виду? — вспыхнула я, — большей глупости и представить невозможно! Женщины, если они ещё живы, могут пострадать из-за вашей непредусмотрительности!

Бекендорф засмеялся тихим смехом, в котором сквози-

ло превосходство, расставляющее всё на свои места. Тайная Канцелярия никогда не действует необдуманно, надеясь на удачу. Они тщательно просчитывают каждый свой шаг. В арсенале Канцелярии не только самые лучшие маги, но и новейшие разработки – артефакты.

Дальнейшие слова подтвердили мои догадки.

— Для всех без исключения здесь находитесь только вы и конная повозка, у которой слетело колесо. Молодая девушка, растерянная, оставшаяся в одиночестве в такой глуши, бродит в поисках помощи, — Бекендорф резко обернулся и я встретила с его ледяным взглядом, — наилучшая приманка. Согласны со мной, мисс Честер?

Глава 12

Глава 12

Приподняв юбку, я шла к амбару, спиной чувствуя на себе напряжённый взгляд Бекендорфа. На груди, под плотным корсажем, я прятала защитный артефакт, выданный королевским сыщиком под расписку.

Моё задание было простым: необходимо проникнуть внутрь амбара и, по возможности, выманить скрывающихся там людей.

Ловля на живца – задание для маститого профи, а не для желторотой стажёрки.

Страх не было. В груди горел огонь ярости – промедление могло стоить жизни Агате! Бекендорф, вместо того, чтобы разыгрывать со мной партию жертва-охотник, мог давно запустить операцию по захвату преступников, но он тянул, дожидаясь моего согласия. Добровольно-принудительного, откровенно говоря.

Для чего, чёрт побери?!

— Эй! Кто-нибудь есть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.